Квир-история Беларуси
второй половины XX века:
попытка приближения

Минск 2016

Содержание

Предисловие

В последние годы нарастает интерес к недавней ЛГБТ-истории в странах Восточной Европы. С одной стороны, он вызван необходимостью снова и снова доказывать очевидное: однополая сексуальность является в нашем регионе не каким-то “импортом с Запада”, а существовала издавна, как и в каждом другом обществе. С другой стороны, зарождение и развитие ЛГБТ-сообщества вызывает интерес представителей этого сообщества к “своей” истории, культуре, другим способам конструирования коллективной идентичности. С точки зрения (прогрессивных) академических кругов, история (гомо)сексуальности – чрезвычайно интересный сюжет, по которому можно проследить и уровень автономии медицины и юриспруденции, и общий уровень терпимости в обществе, и просто взглянуть на всё тот же “реальный социализм” 1960-1980-х годов с совсем другой стороны.

Академические исследования по ЛГБТ-истории в последние годы появились по Венгрии (работы Юдит Такач / Judit Takacs), Чехословакии [Sokolova 2014]. К сожалению, ознакомиться с ними в рамках подготовки данного текста не получилось.

Польский англоязычный журнал “DIK Fagazine” посвящает исторической тематике некоторые свои номера. В материалах освещается ЛГБТ-история не только Польши, но и Чехословакии, Румынии, других стран Восточной Европы [DIK Fagazine №8; DIK Fagazine №9].

В Латвии разрабатывает историю сексуальности, в том числе историю гомосексуальности, сотрудница Института истории Латвии Инета Липша (Ineta Lipša). В Риге вышла книга “Вынужденное подполье. Гомосексуалы в Советской Латвии” журналистки Риты Рудуши, также в переводе на английский язык [Ruduša 2014]. Рита Рудуша создала серию портретных очерков о геях, лесбийках и транссексуалах Латвии, основанных (за исключением одного) на интервью.

Журналистский подход преобладает и в украинской публикации, посвящённой ЛГБТ-сообществу эпохи независимости [Украинское ЛГБТ-движение 2015]. Несколько страниц в ней отведено и характеристике гей-субкультуры Киева в 1970-е и 1980-е годы.

Значительно раньше, ещё с начала 1990-х годов, интерес к квир-истории СССР (России) проявили академические исследовательницы и исследователи из

англоязычного пространства: Лори Эссиг [Essig 1999], Дэн Хили, Дэниел Шлютер [Schluter 2002], Франческа Стелла [Стелла 2014; Stella 2015]. Их мы упоминаем позже, поскольку их взгляд – взгляд снаружи, и из-за языкового барьера их исследования получили меньший отклик, чем могли бы. Исключением стала переведённая на русский язык книга Дэна Хили [Хили 2008].

Из-за языкового барьера автор данной брошюры смог ознакомиться только с теми статьями французского исследователя Артюра Клеша, которые были переведены на русский язык [Клеш 2012; Клеш 2013].

Кроме работ собственно историков, невозможно не упомянуть труды социолога Игоря Кона. Историческая часть была включена И. Коном в его книгу о гомосексуальности [Кон 2001], а одна из работ была целиком посвящена истории сексуальной культуры в России/СССР [Кон 2010]. Наконец, многое для понимания истории российской (советской) сексологии дают воспоминания Игоря Кона, написанные в жанре интеллектуальной автобиографии [Кон 2008].

Существенными источниками для исследования стали 11 интервью, проведённых с людьми, в той или другой степени имеющими отношение к гомосексуальной / лесбийской субкультуре или соответствующим общественным организациям (клубам, движениям) во второй половине 1980-х – начале 2000-х годов. Из 11-ти я провёл 4 интервью, остальные провели Таня Сецко, Катерина Борсук, Наталья Маньковская и ещё один исследователь, который пожелал остаться не названным. Имена респондентов, их место жительства, возраст и профессиональная принадлежность в публикации не раскрываются, чтобы гарантировать сохранение тайны их личной жизни.

Также использовалась уголовная статистика из Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Российской Федерации.[1] Статистику из Государственного архива Российской Федерации просматривала по моей просьбе Ира Ролдугина (Москва).

Сначала я планировал установить как верхнюю временную рамку исследования 1994 год, когда в Беларуси произошла декриминализация гомосексуальности, но более молодые представители общественности потребовали продолжить рассказ до 2007 года (год создания инициативы

[1] Более подробная характеристика источников даётся в той части брошюры, где рассказывается об уголовном преследовании. Перечисление и (местами) характеристика печатных источников даются в основном тексте брошюры.

“ГейБеларусь”). Как ни странно, но в ЛГБТ-среде Беларуси настолько слабо работает связь поколений, что даже первая половина 2000-х многим 18-20-летним активистам и активисткам представляется как “былинные времена”, о которых немногие уцелевшие аксакалы могут слагать эпос.

Нижней временной границей стал 1945 год, поскольку получилось найти архивную статистику начиная с этого года. Однако криминалистические и сексопатологические публикации о гомосексуальности появляются в СССР после длительного перерыва из-за “сталинского термидора” только в 1960-е годы. Устноисторические свидетельства и публикации в прессе, которые получилось собрать, относятся не ранее, чем к годам “перестройки”.

Необходимо сделать методологическое примечание: мне ближе конструктивистский, чем эссенциалистский подход к идентичности. Соответственно, мне в большей степени хочется писать квир-историю, чем ЛГБТ-историю. Этому, однако, сопротивляется материал: во второй половине XX века официальные институты (в первую очередь психиатрические) активно конструировали представление именно о “гомосексуалистах” или “педерастах” как социальной группе. За этим общим наименованием трудно разобрать оттенки квирности, представить себе всё разнообразие “сексуальных диссидентов”. В сегодняшней Беларуси среди активисток и активистов существует некоторое увлечение политиками идентичности, а слово “квир” часто используется только как синоним “ЛГБТ”. Между тем, квир-теория направлена на подрыв не только гетеронормы, но и гомонормативности.

Это издание не претендует на статус академического (научного), потому оно не основано на обстоятельно разработанной методологии, но справочный аппарат (ссылки и библиография) в нём сохранён. В цитатах из источников сохраняются орфография и пунктуация оригинала, которые не всегда соответствуют современным языковым нормам.

При написании главы “Через оптику юриспруденции: уголовное преследование за гомосексуальность в БССР” была использована статья “Крымінальны пераслед мужчын-гомасэксуалаў у БССР: невядомыя статыстычныя дадзеныя з архіўных крыніц”, подготовленная для белостокского журнала “Białoruskie Zeszyty Historyczne – Беларускі гістарычны зборнік”. В свою очередь, для написания главы “Медицинский дискурс о «половых извращениях» в СССР” была использована статья “Сэксапаталогія СССР пра

гомасэксуальнасць і іншыя “адхіленні” ад гетэранарматыўнасці (1960-1980-я гады)”, подготовленная для журнала “Палітычная сфера”. Поскольку процесс подготовки академических публикаций длителен, то упомянутые статьи всё ещё находятся в печати. Надеюсь, использование материала из академических статей в популярной брошюре не остановит печать первых. Аудитории упомянутых журналов и данной брошюры очень разные, к тому же брошюра переведена с беларусского на русский и английский языки, что позволяет расширить круг её читателей.

Наконец, хочу высказать благодарность тем, кто при встрече или дистанционно консультировал по теме исследования, делился литературой, высказывал замечания к текстам. Это Ира Ролдугина (Москва), Таня Сецко (Минск), Наталья Маньковская (Минск), Катерина Борсук (гражданка мира), Валерий Созаев (Санкт-Петербург), Елена Григорьевна Гусятинская (Москва), Дэн Хили (Оксфорд), Франческа Стелла (Глазго), Дмитрий Исаев (Санкт-Петербург), Александр Кондаков (Санкт-Петербург), Слава Бортник (Вашингтон), Игорь Иванов (Лондон), Владислав Иванов (Вильнюс), Наста Манцевич (Минск), сотрудники Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург), Schwules Museum (Берлин) и IHLIA (Амстердам). Прошу прощения у тех, кого забыл назвать. За все недочёты окончательного текста несёт ответственность, безусловно, сам автор, а не коллеги и многочисленные консультанты.

Последнее редакционное замечание: в брошюре прилагательное “беларусский” последовательно пишется через “а”, поскольку происходит от названия страны “Беларусь”, а не “Белоруссия”.

Прошлые века

Перед тем, как перейти непосредственно к рассмотрению ситуации негетеронормативных людей в БССР второй половины XX века, необходимо кратко описать, что происходило в предыдущие столетия.

Статут Великого Княжества Литовского 1588 года не регламентировал наказания за гомосексуальные отношения, ни мужские, ни женские [Статут 1989]. Это значит, что они были отданы на рассмотрение духовных судов.

Православное церковное право предусматривало не слишком суровые наказания за гомосексуальность. Чаще речь шла о епитимье и денежных штрафах в пользу церкви. Например, рукописный требник XVI в. предписывал отлучать “мужеложников” от церкви на 5 лет. Такое же церковное наказание ждало мужчин за мастурбацию или “блуд” с замужней женщиной [Сліж 2015: 293-294]. Причём по светскому праву за “чужеложство” (адюльтер) как любовника, так и жену могла ожидать смертная казнь [Статут 1989: 344-345].

Даже будущим священникам гомосексуальные акты могли прощаться. В (православной) кормчей XVI в., бытовавшей на землях Беларуси, было написано, что претендент на духовное звание, осуществлявший гомосексуальные акты в “активной” позиции, ещё имеет право на “поставление”, но тот, кто исполнял “пассивную” роль, не может быть принят в священство [Марзалюк 2001: 133-134].

Половые отношения между женщинами в православии считались грехом, но не очень большим (особенно, если сохранялась девственность у девушек) [Сліж 2015: 285]. Вопросы к женщинам в требниках выделялись отдельно и во многом дублировали вопросы к мужчинам, но в чём-то были менее подробными. Так, требник XVI-XVII веков из библиотеки Литовской академии наук содержит вопрос, не чинила ли прихожанка “содомский блуд” (что именно имелось в данном случае в виду, остаётся догадываться). В требнике рассматривалась возможность того, что женщины проявляли инициативу во внебрачных отношениях, то есть выступали субъектами сексуальной жизни [Сліж 2015: 288]. Впрочем, в другом документе, кормчей XVI в. из собрания Российской государственной библиотеки, вопрос о лесбийских отношениях приводится [Марзалюк 2001: 135].

Отношение к гомосексуальности в Восточной Европе резко контрастирует с Западной Европой. Ни в Московии, ни в Великом Княжестве Литовском нет следов массового преследования “содомитов”, хотя отдельные смертные казни и не могут быть исключены.

Малоисследованными остаются представления жителей Беларуси минувших столетий про гендер и пол. Так, Игорь Марзалюк привёл в качестве анекдота фрагмент из униатской книги “Собрание припадков краткое, и духовным особом потребное” (Супрасль, 1722), но оставил его практически без комментария: “Чи может Невеста оженитися, коли переменится в Мужа? Ответ. Ест много Прикладов, особливе в Панстве Гишпанском, же Невесты, которыи были за Мужами, и дети мели, переминилися в Мужеский Пол, для причин, которыи зде не выявляются, любо Пол Мужеский, не может переменитися в Пол Женский. В таких припадках, может Жена переменшаяся в Мужа покинувши Малжонка своего, себе Малжонку взяти, якося не раз притрафило в Гишпании, в которой Жены мающия дети, переминившися в Мужеский Пол, и оженившися, дети с Женами своими восприяша” [Марзалюк 2001: 129; Собрание припадков 1722].

Немногочисленные примеры источников по истории гомосексуальности в Речи Посполитой подробно разбирают Томаш Настульчик и Пётр Очко в своей книге “Старопольская гомосексуальность” [Nastulczyk, Oczko 2012]. Чаще эти источники (переводы Библии, художественная литература, полемическая литература и др.) дают нам понимание того, как воспринимали однополые сексуальные отношения в Речи Посполитой, но редко речь идёт о реальных гомосексуалах с именами и датами жизни.

Иногда в мемуарной литературе можно найти упоминания о гомосексуальности магнатов. Одним из таких магнатов был князь Януш Александр Сангушко (1712–1775), надворный маршалок Великого Княжества Литовского. Жил он в своей резиденции в Дубне (сейчас – город в Ровенской области Украины) и был по материнской линии наследником Острогской ординации. Князь Януш жил на такую широкую ногу, что в 1753 году раздробил ординацию и раздарил её своим кредиторам и фаворитам. Скандал был вызван не гомосексуальностью князя Сангушко, а раздроблением Острогской ордина-ции. Те магнатские семьи, которым ничего не досталось при разделе ординации, пробовали отменить раздел (для этого были юридические основания). Заодно распространялись сведения о том, что со своей женой Констанцией Колумбией из дома Денгофф (1716 – 1791) Януш Сангушко не жил, потому и детей в браке не было, а жил с любовниками [Nastulczyk, Oczko 2012: 213-216]. Как писал мемуарист ксёндз Енджей Китович (1727 или 1728 – 1804), Сангушку “…глаз людской не видел при исполнении обязанностей. Поглощённый праздностью, развлечениями и пьянством, он не любил заниматься даже делами своих

имений…” [Kitowicz 1882: 26]. Поэтому можно судить, что на землях ВКЛ государственный служащий появлялся только эпизодически (например, на сеймах, которые проходили в Гродно). Но случай с разделом ординации обсуждался в том числе в польскоязычной беларусской мемуаристике – в “Диариуше моей жизни” брестского каштеляна Мартина Матушевича (1714-1773): “Князь Януш Сангушко, сначала мечник лит[овский], а потом надворный маршалок лит[овский], после смерти своего отца, князя Павла Сангушко, великого маршалка В[еликого] Кн[яжества] Лит[овского], пустился во всякие проказы – особенно употребляя мужчин для своих амуров, а красивую жену из рода Денгофф, дочь полоцкого воеводы, бросил – и всякое мотовство. Оплетённый лестью коронного канцлера Малаховского и князей Чарторыйских, расписал в Колбушове все имения острогской ординации через аутентичные донации на разных персон, беря у них слишком малые суммы и попусту растрачивая их” [Matuszewicz 1986: 428]. Далее М. Матушевич на нескольких страницах подробно расписывает юридические, экономические и политические обстоятельства дела. Таким образом, стоит отнести упомянутое дело к истории не только Украины и Польши, но и Беларуси.

Граф на Логойске и Свислочи Винцент Тышкевич (1757–1816) любил облачаться в женскую одежду. Его жена, Мария Тереза Понятовская (1760-1834), получила развод (редкий случай для XVIII века) на том основании, что у мужа “был какой-то физический дефект” [Nastulczyk, Oczko 2012: 91]. О супругах Тышкевичах писал в “Воспоминаниях о моих временах” знаменитый уроженец брестчины, политический деятель и писатель Юлиан Урсын Немцевич (1757-1841): “Один из наших памятных визитов был в Свислочь. Жил там пан Винцент Тышкевич, референдар литовский, вступивший в брак с племянницей короля, дочерью австрийского генерала князя Понятовского. Похоже, никогда в мире не видывали подобной пары. Тышкевич, одинаково жирный как умом, так и телом, однако хороший и аккуратный хозяин, имел странные вкусы, наисмешнейшие в своём роде. Самым большим его счастьем, самым милым развлечением было утром проводить богослужение, а вечером одеваться по-женски. Он всегда имел приготовленный для этих двух переодеваний гардероб. Наоборот, жена его, с самым горячим воображением, вся романическая, живая, красивая, [с] мужской смелостью, [ничего так] не любила, как лошадей, состязания и мужские развлечения. Как только эта пара прибывала из Варшавы в Свислочь, сразу же муж одевал юбку и сутану, а жена – брюки, фрак и шляпу. Пока хозяин проводил утро за богослужением, а вечер – на диване в чепце и мантельке [w mantelce], обмахиваясь веером, наказывал целовать его в руку и

принимал от молодёжи знаки внимания, хозяйка летала по полям на коне через рвы и скакала на кобылицах. Многих из нас это забавляло; мы, однако, хотели скакать на коне с женщиной во фраке, а не кокетничать с жирным Тышкевичем” [цит. по: Nastulczyk, Oczko 2012: 333].

В результате разделов Речи Посполитой (1772–1795) все земли Беларуси вошли в Российскую империю. На то время в Российской империи уже существовала ответственность за “мужеложство” (анальный секс между мужчинами), введённая Воинским уставом 1716 года. Несмотря на название, этот документ распространялся не только на армию и флот, но и на гражданских лиц[2]. В 1835 году был введён в действие новый Свод уголовных законов, в котором содержалась статья 677 (“мужеложство”). Статья применялась не слишком часто и довольно выборочно. Как правило, наказания избегали выходцы из социальных верхов [Хили 2008: 100-124].

В конце XIX – начале XX веков многие правоведы Российской империи выступали за декриминализацию добровольного секса между взрослыми мужчинами. Среди них был и могилёвский юрист Борис Пятницкий. В его книге “Половые извращения и уголовное право” большая глава была отдана “педерастии” и ещё одна, меньшая – лесбийской любви (которая в Российской империи не преследовалась). Автор писал: “Ясно, что в случаях педерастии по обоюдному согласию, при отсутствии объекта преступления, нет никаких юридических оснований для наказания. Сохраняющие его уголовные кодексы грешат против самых же себя: признавая оправдывающим и исключающим наказание согласие взрослого, дееспособного человека при всяком ином блудном действии, они, преследуя педерастию, сходят с прямого и ясного пути, указываемого логикой. И эта точка зрения всё более и более становится распространённой в среде юристов, как теоретиков, так и практиков” [Пятницкий 1910: 32]. Далее автор приводит список отдельных юристов и групп специалистов, которые при обсуждении Уголовного уложения высказались против наказуемости “педерастии”. Среди таких были и “чины” Полоцкого окружного суда. К сожалению, сведений о Борисе Пятницком почти не нашлось. Известно, что в 1904 году Борис Пятницкий (неизвестно, тот ли самый) окончил полный курс в Могилёвской гимназии [http://www.petergen.com/history/moggim.shtml]. В 1917

[2] Информация Ирины Ролдугиной, основанная на архивных разысканиях.

году Борис Иванович Пятницкий, проживавший в Могилёве, баллотировался на выборах в Учредительное собрание по Могилёвскому округу по списку партии народной свободы (кадетов) [Воробьев 2013: 47].

Высокопоставленные сановники Российской империи всегда были на виду, поэтому их интимная жизнь не являлась тайной за семью печатями. Склонностью к однополой любви славился граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826), наивысшим карьерным достижением которого был пост государственного канцлера [Кон 2001: 162; Кирсанов 2005: 19-28]. Н. Румянцев стал широко известен благодаря своей меценатской и собирательской деятельности: под его руководством и на его средства осуществлялись поиск и публикация многих документов по истории Восточной Европы, его коллекции книг и рукописей составляют значимую часть сегодняшней Российской государственной библиотеки. Один из томов документов, изданный в 1824 году на средства Н. Румянцева под редакцией протоиерея Иоанна Григоровича, назывался "Белорусский архив древних грамот" и включал в себя 57 документов XV-XVIII веков по истории Восточной Беларуси. В 1796 году Николай Румянцев после смерти отца получил в наследство имение Гомель. На то время это было частновладельческое местечко Могилёвской губернии. При Н. Румянцеве в Гомеле шло активное строительство. Тогда появились некоторые здания, являющиеся теперь визитной карточкой города, например, Петропавловский собор. В соборе, согласно завещанию, и был похоронен граф Н. Румянцев.

В последние годы гомельские власти повадились славить бывших владельцев местечка – крепостников Паскевичей и Румянцевых. Их именами называют улицы, им ставят памятники. Так, прославляют душителя восстания 1830-31 годов Ивана Паскевича. Достались лавры и Николаю Румянцеву. В 1996 году в парке возле дворца Румянцевых и Паскевичей был поставлен памятник Н. Румянцеву. Не знали гомельские власти, что своими руками создают место сбора для гипотетического гомельского гей-прайда. А пока гей-прайда в Гомеле нет, памятник подойдёт в качестве фона для "темного"[3] фото на память.

Забавно наблюдать, как имя Николая Румянцева пробует "отмыть" от подозрений в гомосексуальности историк Татьяна Соловьёва. Для неё Н. Румянцев "на протяжении всей жизни преданно служил своей родине –

[3] "Тема" - название гомосексуальной / лесбийской субкультуры в сленге. Соответственно, "темный" - имеющий отношение к гомосексуальной / лесбийской субкультуре.

России, оставил после себя уникальные собрания по Русской истории и честное имя верного слуги Отечества” [Соловьева 2007: 44]. А “верный слуга Отечества” в сегодняшней России никак не может быть гомосексуалом. Поэтому Т. Соловьёва акцентирует внимание на близких отношениях Н. Румянцева с великой княгиней, а потом императрицей Марией Фёдоровной (1759 – 1828), женой Павла I. Нет никаких доказательств, что отношения были эротическими, но петербургская исследовательница спешит заявить, что Н. Румянцев всю жизнь пылал любовью к императрице и потому не вступил в брак и не завёл детей. Ещё смешнее, что как доказательство “непорочности” государственного канцлера Т. Соловьёва приводит похвальную характеристику Н. Румянцева из мемуаров известного гомосексуала Филиппа Вигеля (1786-1856); любовь последнего к мужчинам упоминается в известном стихотворении Александра Пушкина.

Однополая любовь была распространена не только среди российских сановников, но и среди полонизированной шляхты. Неизвестно достоверно, была ли лесбийкой польскоязычная писательница Мария Родзевич (1864–1944). Но гетеронорму она нарушала точно. Родилась Мария Родзевич в имении Пенюха около Гродно. На будущую писательницу, очевидно, повлияла ссылка родителей в Сибирь за участие в восстании 1863-1864 годов (Марию несколько лет до возвращения родителей воспитывали родственники). Большую часть жизни она провела в имении Грушево (теперь – деревня в Кобринском районе Брестской области). Творчество её достаточно конвенционально, посвящено тому, как важно “удержать землю в польских руках”. Зато сама фигура писательницы в конвенции не укладывается. Она сама вела хозяйство в имении, не вышла замуж и не завела детей, вообще мужчин в её частной жизни не было. Дом в Грушеве писательница делила с женщинами: несколько лет с Геленой Вейхерт, а потом длительное время (до начала Второй мировой войны) с Ядвигой Скирмунт, своей дальней родственницей. Поскольку Мария Родзевич старательно хранила тайну личной жизни, никаких признаний в любви к женщине из-под её пера не сохранилось. Зато сохранились фотоснимки писательницы, на которых она всегда в мужской одежде, с коротко остриженными волосами, без какой-либо косметики. “Она создавала впечатление скорее ксендза, чем женщины”, - писал о 60-летней М. Родзевич Юзеф Пузына. На этом фоне могут шокировать политические взгляды Марии Родзевич: в Грушеве проходили тренировки крайне правого парамилитарного

“Лагеря Великой Польши” (Obóz Wielkiej Polski, существовал в 1926-1933), а в 1937 году М. Родзевич вошла в руководство провластного и крайне антисемитского “Лагеря национального объединения” (Obóz Zjednoczenia Narodowego) [Tomasik 2014: 56-77].

Кшыштоф Томасик пишет также о гомосексуальности Ежи Гедройца и Юзефа Чапского [Tomasik 2014: 8].

Ежи Гедройц (1906-2000) родился в Минске и жил здесь до 1916 года. Его отец, из бедной шляхетской семьи, работал аптекарем. Ежи Гедройц получил известность в послевоенной польской эмиграции как редактор парижского польскоязычного журнала “Kultura” (1947–2000). Е. Гедройц выступал за налаживание Польшей добрососедских отношений с Украиной, Беларусью и Литвой, за что его люто ненавидят польские националисты. Он не вступил в брак и не завёл детей. Его именем названа улица в Минске (в микрорайоне Брилевичи) и премия для беларусских литераторов, основанная посольством Польши в Минске. Вот вам ещё два “места памяти” для беларусских гомосексуалов. Осталось дождаться, когда премию Гедройца получит писательница или писатель, активно выступающая за квир-эмансипацию.

Близким другом и коллегой Ежи Гедройца был Юзеф Чапский (1896–1993). Детство Юзефа прошло в семейном имении Прилуки под Минском, в междувоенное время он получил образование художника в Кракове и Париже. Ю. Чапский был одним из 450 офицеров польской армии, которые не были расстреляны в концлагере в Старобельске, и его воспоминания про советский плен стали широко известными. В 1942 году Юзеф Чапский попал в армию Андерса, и после Второй мировой войны остался на Западе. Он был очень важным человеком для редакции журнала “Культура” и одновременно стал известен как живописец. Как и Е. Гедройц, Ю. Чапский оставался бездетным холостяком.

Как видно, из-за малочисленности исследований по истории сексуальности в Беларуси, о деяниях прошлых веков приходится собирать обрывочные сведения. Часто эти сведения касаются жизни известных личностей, в первую очередь – из высших сословий. Остаётся надеяться, что ситуация исправится и отечественные медиевисты и исследователи нового времени порадуют нас своими находками и соответствующим анализом уже известных документов.

Через оптику юриспруденции: уголовное преследование за гомосексуальность в БССР

Написание истории гомосексуальности часто превращается в написание истории гомофобии. Источники по уголовному преследованию гомосексуалов во многих случаях являются относительно легкодоступными и достаточно многочисленными, чтобы именно с них начинать изучение истории гомосексуальности того или иного периода в той или иной стране Европы. Таким образом, и наше исследование истории гомосексуальности в Беларуси второй половины XX века не могло избежать изучения и интерпретации источников по уголовному преследованию мужчин, имевших однополый секс.

Уголовное законодательство СССР и гомосексуалы

После Октябрьской революции 1917 года большевики отменили сразу всё законодательство Российской империи, и статья, каравшая “мужеложство”, перестала действовать. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года такой статьи не было. Не появилась она и в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года. Публичная риторика того времени показывает, что это было не случайностью, а последовательной позицией большинства большевистских специалистов в области права и медицины [Хили 2008: 143-171]. В БССР с 1 июля 1922 года действовал Уголовный кодекс РСФСР. Работа над проектом Уголовного кодекса БССР началась в 1925 году. Уголовный кодекс БССР был введён в действие 15 ноября 1928 года [Круталевіч, Юхо 2000: 172]. Он также не содержал статьи, которая карала бы за однополые отношения [Крымінальны кодэкс 1929].

Тем не менее, известны случаи (например, в Одессе), когда в 1920-е годы гомосексуалов преследовали по другим статьям уголовного кодекса [Ролдугина 2016].

В соседней Польше (а значит, и в Западной Беларуси) гомосексуальность была декриминализирована в 1932 году. В СССР же события развивались в обратном направлении.

В августе-октябре 1933 года Полномочное представительство Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) в Ленинградском военном округе провело массовые аресты среди гомосексуалов Ленинграда. Всего было арестовано не менее 198 человек, большинство из которых в дальнейшем было осуждено за

“контрреволюционную агитацию и пропаганду” (ст. 58[10] УК РСФСР). Уголовное дело в 8 томах хранится в архиве Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Первым опубликовал статью по материалам этого уголовного дела профессор Санкт-Петербургского государственного университета Виктор Иванов, который, однако, не смог удержаться от гомофобных комментариев [Иванов 2013].

13 декабря 1933 года заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода направил секретарю ЦК ВКП(б) Иосифу Сталину записку, в которой предлагал рекриминализировать “педерастию”. На записке появилась одобрительная резолюция Сталина, и уже 16 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление “Об уголовной наказуемости за педерастию” [“Примерно наказать…” 1993].

7 марта 1934 года Президиум ЦИК СССР принял постановление “Об уголовной ответственности за мужеложство”, в которой были изменены в сравнении с первоначальным проектом формулировки и установлены нижние границы наказания. Постановление было обязательным для исполнения центральными исполнительными комитетами всех союзных республик [Хили 2008: 223-230].

В Уголовный кодекс Белорусской ССР соответствующая статья 235[1] была введена 30 апреля 1934 года. Вот её текст:

“Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) влечёт –

лишение свободы на срок от трёх до пяти лет.

Мужеложство, совершённое с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, влечёт –

лишение свободы на срок от пяти до восьми лет” [Уголовный кодекс 1949: 42].

В 1960-1961 годах во всех союзных республиках СССР были изменены уголовные кодексы. В Уголовном кодексе Белорусской ССР, вступившем в действие с 1 апреля 1961 года, статья имела другой номер и изменённую формулировку. Также был отменён нижний предел наказания:

“Статья 119. Мужеложство

Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) –

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Мужеложство, совершённое с применением физического насилия, угроз или в отношении несовершеннолетнего, либо с использованием зависимого положения потерпевшего, -

наказывается лишением свободы на срок до восьми лет” [Уголовный кодекс 1965: 56].

Советские криминалисты спорили, каким был возраст согласия – 18 или 16 лет (на сегодня в Беларуси – 16 лет). Не было прописано законодательно, но имелось в виду, что по этой статье мог караться только анальный секс (coitus per anum) между мужчинами. Взаимная мастурбация и оральный секс были номинально легальными.

В разных республиках СССР санкция могла быть разной. Так, в Эстонской ССР статья 118 предусматривала по первой части лишение свободы до 2 лет, а по второй части – лишение свободы от 2 до 6 лет со ссылкой или без ссылки до 3 лет [Veispak 1991: 111].

Экспертные взгляды на законодательные нормы

Беларусские юристы старались никак статью 119 УК БССР не комментировать. Так, в беларусском учебнике по уголовному праву для студентов-юристов объяснение этой статьи сводилось к пересказу уголовного кодекса своими словами. Содержание термина “мужеложство” объяснялось через синонимы “гомосексуализм”, “педерастия”, а также через определение “мужеложством является половое сношение мужчины с мужчиной” [Горелик, Ефимов и Тишкевич 1971: 148]. Даже латинского термина coitus per anum авторы учебника побоялись (а может, и не были с ним знакомы). Соответственно, студенты-юристы в БССР даже недостаточно чётко представляли себе, что же преследовалось уголовным кодексом.

Вместе с тем, в России некоторые юристы открыто выступали за отмену статьи “мужеложство” и приводили развёрнутую аргументацию в пользу отмены. Так, сотрудники кафедры уголовного права Ленинградского университета профессор Михаил Шаргородский и доцент Павел Осипов настаивали на “целесообразности исключения из действующего законодательства состава добровольного мужеложства между совершеннолетними” и приводили довольно развёрнутую аргументацию в пользу отмены первой части статьи 121 УК РСФСР. Они писали: “В советской

юридической литературе ни разу не предпринималось попытки подвести прочную научную базу под уголовную ответственность за добровольное мужеложство, а единственный довод, который обычно приводится (моральная развращённость субъекта и нарушение им правил социалистической нравственности), нельзя признать состоятельным, так как отрицательные свойства личности не могут служить основанием уголовной ответственности, а аморальность деяния недостаточна для объявления его преступным” [Шаргородский, Осипов 1973: 647]. Среди аргументации М. Шаргородского и П. Осипова была и ссылка на декриминализацию гомосексуальности в странах “народной демократии” (ГДР, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Польше).

Ранее Павел Осипов высказывался за декриминализацию “добровольного мужеложства между совершеннолетними мужчинами” в своей кандидатской диссертации, о чём можно судить по автореферату [Осипов 1967: 11]. Там же П. Осипов более широко критиковал “изменения, внесённые в систему составов половых преступлений в 30-х годах”.

Большая глава “Мужеложство” содержится в монографии “Половые преступления” доцента Таджикского государственного университета, бывшего сотрудника ОГПУ Якова Яковлева [Яковлев 1969: 303-343]. С одной стороны, Я. Яковлев также выступал за декриминализацию добровольной мужской гомосексуальности [Яковлев 1969: 323, 342]. Вместе с тем, юрист из Душанбе рекомендовал полиции вести картотеки гомосексуалов: “Большое значение для предупреждения половых преступлений имеют оперативные мероприятия органов милиции по выявлению лиц, способных совершить половые преступления, для своевременного взятия их на оперативный учёт и проведения с ними профилактической работы. К числу таких лиц относятся: лица, страдающие половыми аномалиями, в том числе подозреваемые в гомосексуальных наклонностях; [...]. Для выявления указанных лиц необходимо использовать имеющиеся в распоряжении органов милиции специальные средства и методы (оперативный учёт, личный сыск, наблюдение и т. д.)” [Яковлев 1969: 414].

Последовательно высказывался за декриминализацию гомосексуальности доктор юридических наук Алексей Игнатов из Москвы. В своей книге 1966 года “Ответственность за преступления против

нравственности” он осторожно писал, что “в литературе неоднократно выска-высказывалось мнение о нецелесообразности наказуемости добровольного мужеложства” [Игнатов 1966: 182]. При этом приводились ссылки на труды российских юристов 1920-х годов. В книге “Квалификация половых преступлений”, вышедшей на восемь лет позднее, А. Игнатов приводил уже развёрнутую аргументацию за декриминализацию гомосексуальности:

“...Вызывает большие сомнения целесообразность наказуемости добровольной гомосексуальной связи взрослых людей.

В обширной медицинской и юридической литературе, как отечественной, так и зарубежной, доказывалось, что такие гомосексуальные связи не представляют общественной опасности и не наносят ущерб государству. Также доказывалось, что борьба с таким явлением, как гомосексуализм, мерами уголовной репрессии неэффективна, так как в случае патологического характера она бесполезна, а в иных случаях содержание гомосексуалиста в заключении с лицами одного с ним пола может только закрепить гомосексуальные тенденции. Запрещение уголовным законом препятствует гомосексуалистам обращаться к врачам и подвергаться лечению” [Игнатов 1974: 233-234].

Чтобы обосновать это утверждение, автор ссылался уже не только на литературу 1920-х годов, но и на дореволюционную литературу, изданную в России. Он также ссылался на резолюцию IX Международного конгресса уголовного права (Гаага, 1964), которая рекомендовала не запрещать добровольные гомосексуальные отношения взрослых людей. Наконец, А. Игнатов ссылался на правовую практику других государств, как капиталистических, так и союзников СССР: “В настоящее время ни одно из европейских социалистических государств, кроме Советского Союза, не устанавливает уголовной ответственности за добровольный гомосексуализм” [Игнатов 1974: 234]. Тут необходимо оговориться, что мужская гомосексуальность до 1995 года преследовалась в Албании. В Румынии как мужская, так и женская гомосексуальность была декриминализирована только в 1996 году. На время публикации книги А. Игнатова “Квалификация половых преступлений” сохранялось уголовное преследование гомосексуалов во всей Югославии (в 1977 году произошла декриминализация в Словении, Хорватии, Черногории и Воеводине). Но Албания была в то время в самоизоляции, ещё в

1960-е годы вышла из Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора. Югославия никогда в Организацию Варшавского договора не вступала, а в Совете экономической взаимопомощи была наблюдателем. Наконец, Румыния сохраняла своё участие в названных организациях, но Николае Чаушеску стремился минимизировать зависимость от СССР и проводил самостоятельную внешнюю политику в отношениях с капиталистическими странами и Китаем. Таким образом, не приходится удивляться, что Албания, Румыния и Югославия выпали из поля зрения А. Игнатова, зато им были замечены Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и Чехословакия.

Книги А. Игнатова и Я. Яковлева, изданные во времена “застоя”, носили гриф “для служебного пользования”. Этот гриф в России не снят до сегодняшнего дня, что означает определённые сложности в получении доступа к книгам в государственных библиотеках. Но одновременно одна из частных фирм в Москве открыто продаёт ксерокопии и сканы с книги А. Игнатова “Квалификация половых преступлений”. А в некоторых бывших союзных республиках эти книги давно находятся в открытом доступе. Например, с “Квалификацией половых преступлений” А. Игнатова можно свободно ознакомиться в библиотеке Тартусского университета, а с “Половыми преступлениями” Я. Яковлева – в библиотеке Вильнюсского университета. Правовой статус этих книг в Беларуси непонятен, поскольку в каталогах публичных библиотек страны их нет.

Что же прятали и прячут от широкого читателя цензоры? О методах раскрытия реальных и воображаемых преступлений, которые и сейчас могут причисляться к закрытым сведениям, в книгах А. Игнатова речь не идёт. Книга “Квалификация половых преступлений” посвящена, как и свидетельствует название, юридической квалификации действий следствием, судом и некоторым аспектам уголовного процесса. Скорее всего, во времена СССР она подпала под гриф “для служебного пользования” из-за того, что там приводилась статистика по некоторым видам преступлений. Вместе с тем, закрытым для широкой публики оставалось мнение А. Игнатова о необходимости отмены статьи “мужеложство”. В открытой печати оно появилось в 1988 году в статье для журнала “Советская юстиция” [Игнатов 1988].

Известно, что А. Игнатов не только высказывался за декриминализацию гомосексуальности в своих книгах, но и пробовал поднять этот вопрос в 1979 г. перед руководством Министерства внутренних дел СССР (безуспешно) [Кон 2001: 196].

Пробовал высказаться в печати за декриминализацию гомосексуальности и социолог Игорь Кон. Статью на эту тему он написал в 1982 году по предложению главного редактора журнала “Советское государство и право” Михаила Пискотина. Положительные отзывы на статью дали видные учёные сексопатолог Георгий Васильченко и психиатр Дмитрий М. Исаев. Но статья не прошла обсуждения на редколлегии журнала, как не прошла и согласования в административном отделе ЦК КПСС. Попытку публикации статьи И. Кон описал в автобиографии [Кон 2008: 334-336]. Опять же, доступным широкой публике мнение Игоря Кона стало только в годы “перестройки”.

Высказывания за декриминализацию мужской гомосексуальности могли появиться в 1960-е и 1970-е годы благодаря процессам сексуальной либерализации, шедшим в СССР. Так, в 1955 году были легализованы аборты, а в 1968 году демократизировалось законодательство о браке и семье. Вместе с тем, в обществе происходили изменения в сексуальном поведении “снизу”. Сексуальная революция в СССР второй половины 1980-х, когда информация о половой жизни и контрацепции стала широко доступной, попала на готовую к ней почву. Письменные автобиографии и устные интервью с петербуржцами, собранные коллективом российских и финских социологов в 1990-е годы, указывают на значительно большую степень сексуальной раскрепощённости в Ленинграде 1960-1970-х, чем могло бы показаться из-за официального замалчивания тематики сексуальной жизни. На этом фоне приведённые выше экспертные высказывания выглядят не голосами странноватых одиночек, а проявлениями тихих общественных изменений [Роткирх 2011: 31-38, 192-195, 268, 284].

По-своему “разрабатывали” проблематику специалисты от судебной медицины. Среди них не было слышно голосов за декриминализацию. Первым посвятил судебно-медицинской экспертизе “мужеложства” одну страницу в своём учебнике по судебной медицине главный судебно-медицинский эксперт Министерства обороны СССР Михаил Авдеев. На его мнение часто ссылались,

когда надо было определить, какие именно действия понимаются под терми-термином “мужеложство”. Авдеев писал: “О мужеложстве можно говорить только в том случае, если имело место введение полового члена в заднепроходное отверстие” [Авдеев 1959: 500].

Отдельную статью “Судебномедицинская экспертиза по делам о мужеложстве” написал доцент Горьковского медицинского института Николай Шалаев. Статья насыщена техническими подробностями. Автор подчёркивал: “Лица, подозреваемые в мужеложстве, ликвидируют следы извращённой половой связи: обмывают половые органы, застирывают пятна кала и спермы на одежде. Поэтому судебно-медицинская экспертиза их должна проводиться в срочном порядке” [Шалаев 1966: 31].

Наиболее подробно про анатомические особенности гомосексуалов писал сотрудник Бюро судебно-медицинской экспертизы Москвы и Московской области И. Блюмин. Он разработал довольно подробную инструкцию по “экспертизе гомосексуализма” [Блюмин 1967: 48-59] и даже защитил кандидатскую диссертацию, целиком посвящённую судмедэкспертизе “мужеложства”. Диссертация носила завуалированное название “Материалы к экспертизе половых состояний”. В начале автореферата диссертации ритуально клеймился “разврат”:

“Среди половых преступлений по степени социальной опасности и трудности расследования особое место занимает мужеложство (гомосексуализм, педерастия).

В капиталистических странах этот вид полового извращения получил широкое распространение […].

Иное положение в нашей стране. Ликвидация проституции и порнографической литературы, культивирующих различные половые извращения, общее оздоровление быта советских людей и моральный кодекс привели к тому, что в Советском Союзе случаи гомосексуализма и другие половые преступления встречаются редко. Однако, несмотря на это, они представляют определённую социальную и общественную опасность” [Блюмин 1970: 3].

И. Блюмин опирался на авторов второй половины XIX века (Амбруаза Тардьё, Иоганна Каспера и других) и высказывал сожаление, что с того времени судебная экспертиза не занималась “целенаправленными исследованиями по

данному вопросу". Судебно-медицинский эксперт упускал из виду, что в боль-большинстве стран Европы на время защиты его диссертации гомосексуальность была декриминализирована.

Методы расследования дел по статье "мужеложство" были кратко описаны в конце 1950-х годов Георгием Карновичем и Михаилом Коршиком [Карнович и Коршик 1958: 76-79].

Более подробно они раскрыты доцентом Саратовского юридического института Михаилом Хлынцовым [Хлынцов 1965: 141-157]. Следующая развёрнутая цитата даёт представление о том, каким образом возбуждались уголовные дела по "мужеложству" в российской провинции (Саратовская, Куйбышевская и другие области): "Дела о мужеложстве встречаются в следственной практике очень редко. Это в значительной степени связано с трудностями в обнаружении таких преступлений. […] Особенности расследования мужеложства заключаются в том, что свидетелей-очевидцев такого преступления практически не бывает, а участники его (если мужеложство совершается по обоюдному согласию сторон) не склонны предавать свои действия гласности. […] Большей частью поводами для возбуждения уголовного дела о мужеложстве являются заявления различных лиц, которые из каких-либо источников узнали о факте мужеложства или обратили внимание на необычные отношения между двумя мужчинами, на странности в их поведении, на их подозрительные наклонности и привычки или застали участников мужеложства на месте преступления. Иногда такие заявления могут поступить от лиц, которых то или иное лицо склоняло к мужеложству или знакомым которых делалось подобное предложение" [Хлынцов 1965: 145-146]. На следующей странице снова подчёркивается роль бдительных соседей в заведении уголовных дел против гомосексуалов: "Нередки факты, когда сами заявители, заподозрив неладное в поведении тех или иных лиц, начинают присматриваться к обстоятельствам встреч между подозреваемыми, особенно если эти лица не имеют между собой ничего общего, и сообщают в соответствующие органы о такой встрече немедленно, что позволяет иногда застать преступников на месте преступления" [Хлынцов 1965: 147].

Уголовная статистика: архивные источники о количестве осуждённых за “мужеложство”

Как известно, в СССР большая часть статистики была секретной. Это касалось и уголовной статистики. Опубликованных данных об абсолютном количестве наказанных в БССР нет, но цензура позволила озвучить, что в 1961-1973 годах судимость по статье 119 в БССР составляла от 0,02% до 0,7% от числа осуждённых за преступления против личности [Горелик, Тишкевич 1976: 14].

Кажется, впервые (в абсолютных числах) статистика осуждений в СССР по статье “мужеложство” была опубликована Тиитом Вейспаком в 1991 году. Эта статистика касалась только Эстонии, была только за 1960-1989 годы и происходила из архива Министерства юстиции Эстонской Республики [Veispak 1991: 112].

В русском переводе книги Дэна Хили “Гомосексуальное влечение в революционной России” помещено небольшое приложение под названием “Сколько всего жертв закона против мужеложства?” [Хили 2008: 311-316]. В этом приложении английский исследователь приводит архивные статистические сведения о количестве осуждённых по статье “мужеложство” в РСФСР за 1935-1950 (эти сведения обрывочные, неполные) и о количестве осуждённых по статье “мужеложство” в СССР и РСФСР за 1961-1982 годы. Также Хили перепечатывает данные Джеймса Риордана по осуждениям в СССР в 1987-1990 годах и в РСФСР в 1991 году (подробнее точность этих данных рассматривается ниже).

Дэн Хили пользовался преимущественно статистикой Министерства юстиции СССР. В своём исследовании мы пошли по аналогичному пути и обратились к статистике Министерства юстиции БССР, хранящейся в Национальном архиве Республики Беларусь (далее – НАРБ). Уголовная статистика БССР рассекречена только по 1960 год включительно. Довоенные фонды Наркомата юстиции сохранились очень обрывочно, статистика довоенного времени не сохранилась. Данные о количестве осуждённых по разным статьям уголовного кодекса можно получить из заполненных бланков формы №10. В этих бланках, которые печатались в Москве и были одинаковыми для всего СССР, была отдельная графа для статьи 154а УК РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других республик. В фонде Министерства юстиции БССР хранятся ежеквартальные отчёты из областей. В

каждой области делался отдельный отчёт по судам первой инстанции (“народным судам”) и отдельный – по областному суду. Эти отчёты сводились в Министерстве юстиции в квартальные, а затем и годовые республиканские, высылавшиеся в Министерство юстиции СССР в Москву (копии хранились в Минске). По отчётам формы №10 можно видеть, в каком квартале и в какой области были осуждены (или оправданы, или дела в отношении их прекращены) люди по той или иной статье. Более того, в форме №10 приводятся данные о приговорах, социальном происхождении и возрасте осуждённых и месте совершения “преступлений” (город или деревня).

В статистике не проводится различие между осуждёнными по первой и второй частям статьи 235^1 Уголовного кодекса БССР. В большинстве случаев, однако, количество осуждённых по первой и второй частям статьи можно определить косвенно – через продолжительность наказания.

Статистика первых послевоенных лет неточная — часто клерки из областных отделов юстиции путали номера статей или вписывали количество осуждённых по одной статье в графу осуждений по другой. В статистических бланках формы №10, распространявшихся Наркоматом (с 1946 года — Министерством) юстиции СССР, была отдельная графа для осуждённых по статье “мужеложство”. В отпечатанных бланках указывался номер статьи Уголовного кодекса РСФСР и предлагалось вписать от руки номер соответствующей статьи уголовного кодекса советской республики. Часто соответствием статье 154а УК РСФСР указывалась не статья 235^1 УК БССР, а статья 235, 235а, 236 или какая-то другая. Соответственно, осуждённые по статье 235^1 могли попасть в графу “другие преступления против личности”.

Так или иначе, но количество осуждённых в 1945-1960 годах оставалось мизерным. Обращает на себя внимание тот факт, что в нескольких случаях срок заключения осуждённых был ниже нижнего порога, возможного по статье 235^1 (три года). Вероятно, была применена статья 51 УК БССР: “Если суд признает целесообразным назначить меру социальной защиты ниже низшего предела размера, установленного соответствующей статьёй настоящего Кодекса, или избрать иную менее тяжкую меру, не указанную в этой статье, то суд может это сделать, но не иначе, как точно изложив в приговоре мотивы смягчения” [Уголовный кодекс 1949: 11]. Вероятно, эта же норма была

применена в 1958 году, когда по части 2 статьи 235[1] двое были осуждены Гомельским областным судом менее, чем к пяти годам заключения.

Видно, что в преимущественном большинстве случаев местом совершения “преступлений” названы города и рабочие посёлки, а не сельская местность (большинство жителей Беларуси тогда ещё жило в деревне). Это можно связать с большей заметностью гомосексуальности в городах (наличие мест встреч гомосексуалов, зачатков субкультуры).

В нескольких случаях статья 235[1] была применена к заключённым. Это видно из документов по форме №11 (“Судимость за отдельные виды преступлений по отраслям народного хозяйства и государственного управления”), в которых отдельно отмечено количество лиц, осуждённых за преступления, совершённые в местах заключения, в том числе по ст. 154а УК РСФСР и аналогичным статьям уголовных кодексов других союзных республик. В этой форме также указывалось, кто совершил преступления – заключённые или работники мест заключения. По присуждённым срокам лишения свободы (до пяти лет) видно, что применялась первая часть статьи 235[1]. Можно судить, что она использовалась администрацией карательных учреждений, чтобы унизить непокорных заключённых и оставить их в местах лишения свободы на более продолжительный срок.

Таблица 1. Количество осуждённых по статье 235[1] УК БССР (1945-1960 годы)

Год	Количество осуждённых	Примечания	Источник
1945	0		НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 304
1946	1	Осуждён в Брестской области во 2 квартале 1946 г. к лишению свободы сроком 5 лет, служащий, возраст от 26 до 50 лет, место совершения “преступления” - сельская местность; ещё один человек оправдан.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 305, л. 57-57 об., 119-119 об.
1947	0		НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 306
1948	2	Оба осуждены в первом квартале 1948 г. в Могилёвской области к лишению свободы сроком 5 лет, оба в возрасте от 26 до 50 лет, место совершения “преступления” - города и рабочие посёлки, 1 из осуждённых – рабочий, 1 - “нетрудящийся элемент”.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 310, л. 2-2 об., 7-7 об.

1949	0 (1?)	Общереспубликанские отчёты не показывают осуждённых, но отчёты по Минской области дают 1 осуждённого в первом квартале, который был лишён свободы на срок более 3 лет до 4 лет, социальная группа - “служащие и их семьи”, возраст от 26 до 50 лет, место совершения “преступления” - “города и рабочие посёлки”.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 313, л. 17-17 об., 260-260 об.
1950	0		НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 315, 316
1951	1	Осуждён в Полесской области в III квартале к лишению свободы “свыше 7 до 8 лет включительно”, социальная группа - “служащие и их семьи”, возраст от 40 до 49 лет, место совершения преступления - “города и рабочие посёлки”.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 323, л. 94-94 об.; там же, д. 324, л. 121-121 об.
1952	2	В I квартале в Гродненской области 1 оправдан и 2 осуждены. В одном случае - “лишение свободы до одного года включительно”, во втором - “лишение свободы свыше 1 года до 2 лет включительно”. 1 осуждённый из социальной группы “рабочие и их семьи”, 1 – из группы “другие”, одному - “от 25 до 29 лет”, другому - “от 30 до 39 лет”, 1 – член ВЛКСМ, 1 ранее был судим за “однородные преступления”. Место совершения “преступления”: в одном случае - “города и рабочие посёлки”, во втором - “сельские местности”.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 330, л. 12-12 об.; там же, д. 331, л. 74-74 об.
1953	1	Осуждён в Витебской области в IV квартале к “лишению свободы свыше 7 до 8 лет включительно”, социальная группа “рабочие и члены их семей”, возраст “от 18 до 19 лет”, ранее судим “за разнородные преступления”, место совершения преступления - “города и рабочие посёлки”.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 338, л. 70-70 об.; там же, д. 339, л. 84-84 об.
1954	0		НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 346
1955	0 (1?)	Общереспубликанские отчёты не показывают осуждённых, но отчёт по Гомельской области за IV квартал даёт 1 осуждённого, который был лишён свободы на срок более 4 лет до 5 лет включительно, социальная группа - “другие”, возраст от 25 до 29 лет, ранее судим “за разнородные преступления”, место совершения “преступления” - “города и рабочие посёлки”.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 352, л. 73-73 об., 135-135 об.

1956	4	Все 4 осуждены в Витебской области к лишению свободы свыше 4 до 5 лет включительно, ранее судимы “за разнородные преступления”, места совершения “преступлений” - “города и рабочие посёлки”, социальная группа - “другие”, возраст: “от 18 до 19 лет” - 1, “от 25 до 29 лет” - 3. 3 осуждены во II квартале, 1 – в III квартале.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 358, л. 25-25 об., 43-43 об., 122-122 об.
1957	4	Трое осуждены в первом квартале в Брестской области, все трое – заключённые, 2 осуждены к лишению свободы “свыше 3 до 4 лет включительно”, 1 - “свыше 4 до 5 лет включительно”; возраст “от 20 до 24 лет” - 1, “от 25 до 29 лет” - 2. Четвёртый осуждён во втором квартале в Гомельской области к лишению свободы “свыше 1 до 2 лет включительно”, социальная группа - “рабочие и члены их семей”, возраст “от 40 до 49 лет”, место совершения “преступления” - “города и рабочие посёлки”.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 364, л. 1-1 об., 28-28 об.; там же, д. 365, л. 1-1 об., 24-24 об., 144-144 об.
1958	6	Двое осуждены Гомельским областным судом в третьем квартале по ст. 235^1 ч. 2 к лишению свободы “свыше 3 до 4 лет включительно”, социальная группа - “другие”, возраст “от 18 до 19 лет” - 1, “от 20 до 24 лет” - 1, обоих судили ранее “за разнородные преступления”, место совершения “преступления” - “города и рабочие посёлки”, время совершения - “в данном году”. Ещё двое осуждены в четвёртом квартале в Минской области к лишению свободы “свыше 2 до 3 лет включительно” - 1, “свыше 4 до 5 лет включительно” -1, социальная группа “рабочие и члены их семей” - 1, “служащие и члены их семей” - 1, возраст “от 25 до 29 лет” - 1, “50 лет и старше” - 1, место совершения “в городах и рабочих посёлках” - 2, время совершения “в данном году” - 2. Также двое осуждены в четвёртом квартале в Могилёвской области к лишению свободы “свыше 4 до 5 лет включительно”, оба из социальной группы “рабочие и члены их семей”, обоих судили раньше “за разнородные преступления”, возраст “от 25 до 29 лет” - 1, “от 30 до 39 лет” - 1, место совершения “в городах и рабочих посёлках” - 2, время совершения “в данном году” - 2.	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 372, л. 49-49 об., 93-93 об., 95-95 об., 160-160 об.
1959	4	Двое осуждены в первом квартале в Гомельской области к лишению свободы “свыше 2 до 3 лет включительно” - 1, “свыше 4 до 5 лет включительно” - 1, социальная группа “служащие и члены их семей” - 1, “колхозники и члены их семей” - 1, возраст “от 25	НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 377, л. 8-8 об., 16-16 об., 60-60 об., 165-

		до 29 лет” - 1, “от 40 до 49 лет” - 1, место совершения “в городах и рабочих посёлках” - 2, время совершения “в прошлом году” - 2. Третий осуждён в первом квартале в Могилёвской области к лишению свободы “свыше 4 до 5 лет включительно”, социальная группа - “рабочие и члены их семей”, возраст “от 18 до 19 лет”, место совершения - “в городах и рабочих посёлках”, время совершения - “в прошлом году”. Четвёртый осуждён в третьем квартале в Гомельской области к лишению свободы “свыше 7 до 8 лет включительно”, социальная группа - “рабочие и члены их семей”, “рабочий, оставивший работу”, возраст “от 25 до 29 лет”, был судим ранее “за однородные преступления”, место совершения - “в сельских местностях”, время совершения - “в данном году”. Один подсудимый оправдан в третьем квартале в Гродненской области.	165 об.
1960	0		НАРБ, ф. 99, оп. 6, д. 386

Пользуясь ссылками Дэна Хили [Хили 2008: 316] на фонды Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), получилось найти статистику насчёт осуждённых по Белорусской ССР с 1961 года и позднее.

Данные за 1961-1991 годы взяты из документов по форме №10а. Формы были изменены в связи с введением в действие в 1961 году новых уголовных кодексов союзных республик. В этих документах нет данных о месте совершения “преступлений” (город/деревня), назначенных наказаниях, возрасте “преступников” и социальных группах, из которых они происходили. В Москве отложились только отчёты союзных республик, областных отчётов туда не посылали, соответственно, мы не можем локализировать осуждённых по областям.

Для сравнения мы приводим данные за 1961-1991 годы в таблице 2 не только по БССР, но также по СССР, РСФСР, Украинской ССР, Литовской ССР и Молдавской ССР. Из этих данных можно видеть, что были общесоюзные тренды по количеству осуждённых, но в отдельных союзных республиках в разные годы можно увидеть довольно значительное отклонение от них. Очевидно, что на количество осуждённых влияла позиция местного

руководства министерства внутренних дел, прокуратуры, комитета госбезопасности, а возможно – и партийных органов . [4]

Можно заметить, что количество осуждённых коррелирует с политическими эпохами. Так, в 1945-1954 годах в среднем осуждали меньше, чем одного человека в год. За 1955-1964 годы – в среднем 4,7 осуждённых в год. За 1965-1974 годы – в среднем 18,6 осуждённых в год. За 1975-1984 годы – в среднем 28,3 осуждённых в год. За 1985-1990 годы – в среднем 18,5 осуждённых в год. Таким образом, можно заметить, что в позднесталинские годы карательные органы на такую экзотическую статью, как “мужеложство”, внимания почти не обращали. Перед ними стояли более насущные задачи по так называемой “борьбе с бандитизмом”, принудительной коллективизации Западной Беларуси, принудительному удержанию крестьян в колхозах, а рабочих на заводах и т. д. В годы хрущёвской “оттепели” количество осуждённых постепенно увеличивается, чтобы в годы брежневского “застоя” неуклонно нарастать. Интересно, что в годы горбачёвской “перестройки” количество осуждённых уменьшалось далеко не сразу и далеко не так быстро, как можно было бы ожидать, исходя из демократической риторики той эпохи. Инерция в полиции, прокуратуре и судах была достаточно большой, чтобы продолжать осуждать по статье “мужеложство” даже за считанные месяцы до её отмены. К сожалению, статистика осуждений по статье 119 УК БССР/РБ за вторую половину 1991 года, 1992 и 1993 годы и начало 1994 года остаётся закрытой.

Можно видеть, что в некоторые годы количество осуждённых существенно возрастало, но уже на следующий год спадало. Вероятно, это явилось результатом организованных облав на гомосексуалов. К сожалению, мы пока не можем соотнести такие облавы с директивными документами министерства внутренних дел или компартии. Это можно сравнить с опубликованной ранее статистикой по Эстонской ССР: 1967 год –

[4] Насчёт регулирования партией уголовных осуждений по статье “мужеложство” Игорь Кон вспоминал: “Один из членов редколлегии, бывший начальник ленинградской милиции, а затем всеми уважаемый профессор (действительно хороший специалист и милый человек), просто развёл руками от удивления: как Игорь Семёнович вообще может подымать этот вопрос?! И рассказал, как в своё время он собрал большой материал на ленинградских гомосексуалов, но в обкоме партии ему сказали: «Ты что, хочешь закрыть оркестр Филармонии и Кировский балет?!» Генералу пришлось отступить, но он запомнил обиду, и даже после прочтения моей статьи мысль, что в обкоме были правы, а он ошибался, его не посетила” [Кон 2008: 335-336].

17 осуждённых, 1968 год – 1 осуждённый (за 1966 год нет данных) [Veispak 1991: 112].

У Д. Хили не приведена статистика по СССР и РСФСР за 1983-1986 годы: то ли ему не хватило времени на обработку архивов, то ли в то время, когда он работал в архиве, документы за эти годы ещё не были рассекречены. Но именно на эти годы приходится пик осуждений в СССР по статье “мужеложство”: 1440 осуждённых в 1983-м году, 1516 – в 1984-м, 1620 – в 1985-м и 1455 – в 1986-м. В БССР пик осуждений приходится на 1977 год – 49 осуждённых.

Кстати сказать, опубликованные Джеймсом Риорданом [Riordan 1996: 160-161] и перепечатанные Дэном Хили цифры осуждений за 1987-1990 годы не соответствуют данным из фонда Министерства юстиции СССР. Дж. Риордан в своё время опирался на обрывочные сведения, полученные из разных источников (газеты “СПИД-инфо”, “Литературная газета” и отчёт Международной комиссии по правам человека для гомосексуалов и лесбиянок), и к тому же ошибочно принял данные по РСФСР за данные по СССР в целом. Приведённые же в упомянутом отчёте Международной комиссии сведения достоверны; по крайней мере, цифры осуждений по РСФСР за 1989 и 1990 годы совпадают с цифрами в просмотренной нами статистике [Гессен 1994: 11].

Таблица 2. Количество осуждённых по статье 119 УК БССР, статье 121 УК РСФСР и аналогичным статьям уголовных кодексов союзных республик (1961-1991 годы)

Год	Количество осуждённых в СССР	Количество осуждённых в РСФСР	Количество осуждённых в Украинской ССР	Количество осуждённых в БССР	Количество осуждённых в Литовской ССР	Количество осуждённых в Молдавской ССР	Источник
1961	705	464	50	10	19	2	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 58, л. 2, 37, 40 об., 42, 45 об., 47, 70 об., 71 об., 99, 103, 107, 127, 131

1962	767	530	42	1	3	2	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 69, л. 2, 150, 154, 158, 178, 182
1963	831	592	64	13	5	3	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 81, л. 2, 47, 51, 55, 75, 79
1964	777	547	47	4	5	0	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 91, л. 2, 52, 56, 60, 80, 84
1965	627	393	59	5	4	3	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 102, л. 2, 50, 54, 58, 78, 82
1966	770	485	70	3	4	0	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 112, л. 2, 45, 51 об., 53, 73, 77
1967	940	617	68	25	3	1	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 128, л. 2, 47, 51, 55, 75, 79
1968	756	453	65	20	9	2	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 141, л. 2, 47, 51, 55, 75, 79
1969	993	641	67	13	12	1	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 151, л. 2, 41, 45, 49, 69, 73
1970	1223	787	84	33	11	6	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 161, л. 2, 40, 44, 48, 68, 72
1971	1206	854	75	20	5	5	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 177, л. 2, 45, 49, 53, 73, 77
1972	1255	882	57	10	3	4	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 193, л. 2, 29, 33, 37, 57, 61
1973	1319	853	96	33	9	0	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 205, л. 2, 26, 30, 34, 54, 58
1974	1355	883	95	24	11	6	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 221, л. 2, 29, 33, 37, 59, 63
1975	1214	803	88	34	5	6	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 239, л. 2, 28, 32, 36, 56, 60

1976	1181	773	87	36	9	3	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 254, л. 2, 35, 39, 43, 63, 67
1977	1320	877	85	49	7	7	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 271, л. 2, 38, 42, 46, 66, 70
1978	1314	882	72	24	24	2	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 285, л. 2, 36, 40, 44, 64, 68
1979	1262	822	81	23	13	2	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 300, л. 2, 38, 42, 46, 66, 70
1980	1119	708	93	16	6	2	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 317, л. 2, 39, 43, 47, 67, 71
1981	1229	849	76	15	7	5	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 328, л. 2, 30, 34, 38, 58, 62
1982	1191	809	78	31	9	2	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 368, л. 2, 27, 31, 35, 55, 59
1983	1440	1012	95	37	14	2	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 393, л. 2, 32, 37, 41, 61, 65
1984	1516	1091	120	18	10	5	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 427, л. 2, 24, 28, 32, 52, 56
1985	1620	1106	148	29	3	3	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 466, л. 2, 23, 27, 31, 51, 55
1986	1455	1011	93	23	8	8	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 500, л. 2, 27, 31, 35, 55, 59
1987	1155	829	64	17	4	6	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 533, л. 2, 25, 29, 33, 53, 57
1988	831	592	39	13	4	6	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 555, л. 2, 26, 30, 34, 54, 58
1989	788	538	45	17	6	3	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 579, л. 2, 21, 25, 29, 49, 53

1990	732	497	43	12	нет данных	2	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 605, л. 2, 19, 23, 27, 49
1991 (первое полугодие)	343	247	17	9	нет данных	0	ГАРФ, ф. Р9492, оп. 6, д. 650, л. 2, 9, 13, 18, 36

Дать истории лицо: от цифр к судьбам

То, как выглядели уголовные дела по статье “мужеложство”, мы пока не можем представить на материалах БССР или РСФСР. К большинству этих дел доступ закрыт, так как действует 75-летний срок тайны личной жизни осуждённых. Дэн Хили в своё время смог отыскать в архивах документы восьми судебных процессов за 1935-1941 годы, которые использовал при написании своей монографии [Хили 2008: 253-269]. Позднее Д. Хили также получил доступ к двум уголовным делам (1951 и 1959 годов) по Ленинградской области и опубликовал довольно подробный разбор их [Healey 2012]. Более свободный доступ к уголовным делам такой категории есть в прибалтийских странах.

Эстонский художник Яанус Самма несколько лет исследует жизнь гомосексуалов в Эстонской ССР, в том числе уголовное преследование. Его выставка “Негодный для работы. Предание о председателе” (куратор Эудженио Виола) была размещена в эстонском павильоне на венецианской биеннале 2015 года. Выставка рассказывала о председателе колхоза, которого в 1960-е годы сначала лишили должности и исключили из партии за гомосексуальность, а потом и осудили по статье 118 часть 1 УК ЭССР (“мужеложство”). Из книги, сопровождавшей выставку Я. Саммы, можно получить представление о том, как выглядело дело по статье “мужеложство” [Samma 2015]. Опубликована хотя и меньшая, но довольно представительная часть уголовного дела: донос, с которого уголовное дело было начато, протоколы допросов свидетелей и обвиняемых, протокол очной ставки, акты судебно-медицинской экспертизы (в том числе психиатрической), отрывки из протоколов судебных заседаний, судебные постановления и другие документы.

От статьи “мужеложство” в СССР пострадали десятки тысяч людей. Среди них были и известные люди, в том числе такие, биография которых связана с Беларусью. Например, петербургский археолог Лев Клейн родился в 1927 году и прожил до войны в Витебске, ходил в школу с беларусским языком обучения. После войны семья Клейнов осела в Гродно, и именно там окончил педагогический институт и позднее преподавал в нём младший брат Льва Борис Клейн. Начинал учиться в Гродненском педагогическом институте и Лев Клейн, но в 1947 году вынужден был спешно перевестись в Ленинградский университет из-за конфликта с секретарём Гродненского горкома партии. В 1981 году Л. Клейн был арестован и осуждён на три года заключения по статье “мужеложство”. Приблизительно в то же время в Ленинграде были арестованы филолог Константин Азадовский (осуждён якобы за хранение наркотиков) и историк Арсений Рогинский (осуждён якобы за подлог документов). Л. Клейн настаивает на том, что причиной его ареста и осуждения стали его слишком независимые и неудобные для научного истеблишмента СССР (в первую очередь, академика Бориса Рыбакова) научные взгляды. По сведениям Л. Клейна, распоряжение расправиться с ним поступило от заведующего отделом науки и учебных учреждений ЦК КПСС Сергея Трапезникова [Клейн 2010: 322-332]. Сначала Л. Клейна осудили к 3 годам заключения, но он смог добиться отмены приговора, и во второй раз он получил срок 1,5 года, который отбыл. В отличие от Константина Азадовского и Арсения Рогинского, Лев Клейн так и не был реабилитирован. Его лишили научных степеней и званий и никогда их не восстановили – он добился новых.

Другое громкое дело по обвинению в “мужеложстве” – дело кинорежиссёра Сергея Параджанова, которого арестовали в Киеве в декабре 1973 года и осудили на 5 лет заключения. С. Параджанов был амнистирован и выпущен на год раньше окончания срока под давлением международной художественной общественности. По легенде, решающую роль в досрочном освобождении С. Параджанова сыграл Луи Арагон, который лично обратился к Леониду Брежневу с просьбой освободить режиссёра. До ареста у С. Параджанова были конфликты с властями из-за его независимого характера. Несмотря на международную известность, ему не давали снимать фильмы. С Беларусью дело С. Параджанова связано следующим образом: 1 декабря 1971 года в Минске прошла творческая встреча с Сергеем Параджановым,

организованная ради просмотра его фильма “Саят-Нова” (“Цвет граната”), которого не было в широком прокате. После показа фильма режиссёр выступил с достаточно длинной речью, в которой резко высказался о руководстве Госкино СССР, компартии Армении и компартии Украины [Белоусов 2005]. Речь была записана сотрудниками КГБ Белорусской ССР, а в дальнейшем её стенограмма попала в Москву, в КГБ СССР и ЦК КПСС, откуда была переслана в ЦК компартии Украины [Григорян 2011: 191-194]. Водились за С. Параджановым и другие политические “грехи”, поэтому его заключение считают вызванным политическими причинами.

Нам неизвестно, чтобы кто-либо раньше в Беларуси ставил вопрос о реабилитации людей, осуждённых по первой части статьи “мужеложство” Уголовного кодекса Белорусской ССР (отношения по взаимному согласию между мужчинами, достигшими 18 лет). Кажется очевидным, что такая реабилитация, с вероятной дальнейшей выплатой компенсаций бывшим осуждённым и их семьям, необходима. При современном политическом режиме это может казаться фантастическим, но на случай смены политического режима необходимо иметь разработанный подход к проблеме.

Много времени потребовалось, чтобы были признаны жертвами нацистского террора гомосексуалы, погибшие или попавшие в концентрационные лагеря в 1933-1945 годах на территориях, контролировавшихся Третьим Рейхом. Статья 175 уголовного кодекса, введённая ещё в прусские времена, продолжала действовать в обеих частях Германии и после Второй мировой войны. Сейчас планируется реабилитировать потерпевших от статьи 175 после 1945 года [Bosold, Brill und Weitz 2015; Schwules Museum 2004]. Немецкий опыт можно изучать и перенимать.

Медицинский дискурс о “половых извращениях” в СССР

Перед тем, как приступить к рассмотрению представленных в специальной литературе взглядов советской сексопатологии, необходимо сделать оговорку, что автор брошюры – историк, а не психиатр и не психолог. Таким образом, взгляд автора данного текста на сексологию и сексопатологию – это взгляд дилетанта, что, однако, может иметь не только отрицательную, но и положительную сторону. Взгляд со стороны позволяет заметить определённые нюансы, не особенно важные для самой дисциплины, то, что является для участников дискурса чем-то банальным, тем, что само собой разумеется и не требует проговаривания.

Гомосексуальность в психиатрическом и сексопатологическом дискурсе

Уголовным преследованием дискриминация гомосексуалов, как известно, не исчерпывалась. В частности, создавался образ гомосексуалов как “больных”, они патологизировались. Последнее касалось уже не только мужчин, но и женщин.

В 1980-е годы на территории Беларуси действовала Международная статистическая классификация болезней, травм и причин смерти 9-го пересмотра, “адаптированная” для использования в СССР. В ней содержался и пункт 302 “половые извращения и нарушения”, в соответствии с которым “извращениями и нарушениями” считались “гомосексуализм” (302.0), “скотоложество” (302.1), “педофилия” (302.2), “трансвестизм” (302.3), “эксгибиционизм” (302.4), “транссексуализм” (302.5), “нарушение психосексуальной индивидуальности” (302.6), “фригидность и импотенция” (302.7), “другие половые извращения”, в том числе “фетишизм, мазохизм, садизм” (302.8), “неуточнённые половые извращения и нарушения” (302.9) [Снежневский 1983, т. 1: 474].

В соответствии с традицией, восходящей к книге “Сексуальная психопатия” (“Psychopathia Sexualis”) Рихарда Крафт-Эбинга (Richard Freiherr von Krafft-Ebing, 1840-1902), психиатрия СССР связывала гомосексуальность с психопатиями. В 1960-е годы дебаты велись вокруг того, является ли гомосексуальность отдельной психопатией: “Полученные данные показали, что гомосексуалистки в большинстве случаев являются психопатическими

личностями, однако не образуют какой-либо единой особой группы психопатий” [Деревинская 1967].

В позднезастойном двухтомном пособии по психиатрии под редакцией наиболее влиятельного в СССР психиатра академика Андрея Снежневского “половые извращения” однозначно помещались среди психопатий. “Половые извращения не специфичны для какой-либо группы аномальных личностей; они возникают в динамике различных типов психопатий. Половые перверсии возможны при ряде психических заболеваний. [...] Чаще всего сексуальные извращение наблюдаются у лиц с психическими аномалиями (у истериков, психастеников, возбудимых, шизоидов и других психопатических личностей), а также при некоторых психических заболеваниях (шизофрения, эпилепсия, старческое слабоумие и др.)” [Снежневский 1983, т. 2: 417].

Между уголовным преследованием гомосексуальности и её определением как болезни возникало очевидное противоречие, замеченное российскими юристами (самым видным из которых был Владимир Набоков) ещё в конце XIX – начале XX века [Хили, 2008: 135-136]. Если двое совершают акт “мужеложства” в результате своего болезненного состояния, то им надо оказывать медицинскую помощь, а не помещать в пенитенциарные учреждения.

Среди советских сексопатологов понемногу вызревали идеи декриминализации гомосексуальности. Открыто их стали высказывать в годы перестройки, а ранее имела место своего рода борьба с пенитенциарной системой за “клиента”. Интересной является история, которую изложил судебный психиатр В. Косарев, сотрудник Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии имени Владимира Сербского [Косарев 1967]. В этом случае мужчина, отбывавший наказание по статье 121 (“мужеложство”) УК РСФСР, писал письма в органы здравоохранения и добился госпитализации. В дальнейшем ему был поставлен психиатрический диагноз, и в места лишения свободы он не вернулся. Тот же автор ссылается на факт декриминализации гомосексуальности в Чехословакии в 1962 году и упоминает, что “на 3-ем Берлинском судебно-психиатрическом симпозиуме высказывались скептические замечания по поводу эффективности психотерапии при гомосексуализме” [Косарев 1967: 293].

Сексология и сексопатология в СССР до “перестройки” существовала в ограниченном виде. Количество публикаций и их обращение были ограниченными. Иностранная литература по тематике попадала в СССР с большими трудностями (даже к учёным с официальным статусом не доходили посылки с литературой). В изданных в БССР сексологических публикациях гомосексуальность вообще замалчивается [например: Владин и Капустин 1981]. Однако в Беларуси циркулировали публикации, изданные в других республиках СССР (России, Украине, Казахстане).

Уровень развития советской сексологии и сексопатологии может охарактеризовать то, что в 1970-е годы ещё можно было встретить мнение, что мастурбация и фантазирование на эротические темы – перверсии [Аптер 1974: 143]. Тот же автор в качестве “половой ненормальности” приводит и “пикацизм”, при котором “удовлетворение с объектом другого пола достигается не естественным образом, а через другие отверстия и части тела”. К проявлениям пикацизма относили “coitus per oris, coitus per anum, intermamma, а также cunnilingvus, penilinctio, anilinctio” [Аптер, 1974: 141]. Для неискушённых в латыни: имеются в виду оральный секс разных видов, анальный секс и проникновение пениса между женскими грудьми.

Сексопатологическая литература, издававшаяся в СССР, подвергалась не только самоцензуре, но и внешней цензуре, причём цензорами были чиновники от идеологии, а не психиатры. Из переводных книг исключались определённые разделы, часто упоминание гомосексуальности было невозможным именно из-за цензурных препятствий. Так, известный российский психиатр Дмитрий Д. Исаев (Санкт-Петербург) указал мне, что из книги сексолога из ГДР Зигфрида Шнабля (Siegfried Schnabl) “Мужчина и женщина: интимные отношения”, перевод которой вышел в Кишинёве в 1982 году, выбросили посвящённую гомосексуальности главу. Вероятно, это было сделано по той причине, что в ГДР гомосексуальность была декриминализирована ещё в 1968 году и в целом отношение к гомосексуалам было намного более либеральным. Правда, об этом “сокращении” книги осталось упоминание в предисловии Абрама Свядоща к её переводу: “При переводе книги на русский язык исключён раздел, посвящённый половым извращениям, а также библиография работ, вышедших на немецком языке” [Шнабль 1982: 6].

Цензуру сексологической литературы в доступе к ней и в издательской практике СССР довольно подробно описал Игорь Кон [Кон 2010: 277-280, 298-315]. “Да что там Фрейд! Советские книги по сексопатологии в научных библиотеках – в обычных библиотеках таких книг совсем не было! – не выдавались даже врачам без специального письма с места работы, удостоверявшего, что товарищ такой-то профессионально занимается сексопатологией, а не просто удовлетворяет своё нездоровое любопытство. Это прекратилось только после того, как уже в эпоху “перестройки и гласности” я высмеял такую практику на страницах теоретического журнала ЦК КПСС “Коммунист”. Раньше этого нигде бы не напечатали – существование цензуры и её порядки были такой же тайной, как и секс” [Кон 2010: 279]. Добавлю, что даже в годы “перестройки” к врачам в СССР не доходила посланная почтой литература по сексологии – цензура изымала её как порнографическую [Исаев 1994: 75].

О том, насколько неудовлетворённым был спрос на сексологическую литературу в СССР, свидетельствуют самиздатские копии книг, которые ранее легально вышли в Советском Союзе. Один из таких артефактов, самодельная копия переводной книги польского сексолога Казимира Имелиньского “Психогигиена сексуальной жизни” (русский перевод вышел в издательстве “Медицина”), хранится в коллекции автора брошюры [Имелинский 1973].

Партийные органы помещали сексопатологию в довольно узкие рамки, когда учёные были вынуждены доказывать, что “в нашей стране нет тех социальных факторов, которые приводили к распространению и развитию многих половых ненормальностей в дореволюционное время. Повышение культуры населения, профилактическое направление советского здравоохранения, ликвидация проституции, оздоровление быта, улучшение жилищных условий, санитарно-гигиенические меры, запрет порнографической литературы привели к резкому уменьшению половых ненормальностей” [Аптер 1974: 135].

Советская статистика (которая, однако, редко приводила конкретные цифры) постулировала, что в то время, как в капиталистических странах развиваются половые извращения, в СССР “данные о количестве обращений в лечебные учреждения по причине разных форм половых ненормальностей свидетельствуют о значительном уменьшении этих заболеваний за последние

20 лет. В сравнении с 20-ми и 30-ми годами количество лиц, обращавшихся за медицинской помощью по причине перверсий, уменьшилась в 10 раз, в частности по причине гомосексуализма – в 6 раз” [Аптер, 1974: 135]. Последнее число не вызывает удивления, если вспомнить, что в 1920-е годы мужская гомосексуальность не была криминализирована. Первое же число может свидетельствовать о полном табу на обсуждение секса, при котором трудно было узнать о самом существовании сексологов или сексопатологов, и о недоверии к системе здравоохранения.

Интересно, что человек, подписавшийся под вышеприведёнными цитатами, был знаком с современной ему западной литературой, на которую ссылался, но определения всё равно давал по “Сексуальной психопатии” Рихарда Крафт-Эбинга.

Плодом сталинских лет было полное замалчивание сексуальности как таковой. “Сексуальность, эротика и всё, что с ними связано, подавались исключительно в отрицательной тональности, как нечто враждебное социальному порядку, семье, культуре и нравственности” [Кон 2010: 275]. Даже научные исследования по “половой” тематике были невозможны. Только во второй половине 1960-х годов появляются труды, посвящённые сексуальности. При этом считалось, что “нормальную”, “беспроблемную” сексуальность описывать не имеет смысла, внимание уделялось тому, что воспринималось как патология. “Важным достижением 1960-1970 гг. было рождение медицинской сексологии, получившей в СССР имя “сексопатологии”. Это название, подразумевающее, что “нормальная” сексуальность беспроблемна, в ней всё ясно, а тот, у кого проблемы есть, должен отдаться на волю врачей, симптоматично” [Кон 2010: 302].

В перечисленных выше изданиях рассматривалась как мужская, так и женская “девиантная” сексуальность. Ранней работой, посвящённой именно женской гомосексуальности, была кандидатская диссертация Елизаветы Деревинской [Деревинская 1965]. О напечатании её в качестве монографии тогда не могла идти речь. Позднее материалы диссертации использовал для подготовки своей книги “Женская сексопатология” Абрам Свядощ [Свядощ 1974]. Как и авторы многих более ранних и более поздних работ, Е. Деревинская делит лесбиек на “активных” и “пассивных”. Кроме фольклорной традиции, тут сыграло роль то, что большинство женщин,

которых исследовала Е. Деревинская, были заключёнными в колонии и играли там определённые социальные роли. Дэн Хили обращает внимание, что разделение гомосексуальных людей на “активных” и “пассивных” было характерно и для советской психиатрии 1920-х годов [Хили 2008: 179-181].

“Лечение” гомосексуальности

В сексопатологии СССР существовали разные взгляды на возможность “лечения” гомосексуалов. Некоторые авторы открыто выражали сомнения в принципиальной возможности “лечить” гомосексуальность. Многие писали о принципиальной возможности “лечения”, но сами такое не практиковали.

Е. Деревинская предложила схему лечения от “женского гомосексуализма”, но не привела сведений, насколько такая схема была успешной в её собственной практике [Деревинская 1965: 12-14]. В более поздней статье (в соавторстве с Абрамом Свядощем) Елизавета Деревинская расплывчато писала: “Положительные результаты от применения этого метода наблюдались нами у женщин в случае пассивной формы гомосексуализма” [Свядощ и Деревинская 1967: 125].

Некоторые авторы рапортовали о своих успехах в “лечении”. Так, Иоганн Аптер пробовал “лечить” 122 гомосексуала: 96 мужчин и 26 женщин. Он утверджал, что “в части случаев при благоприятных условиях микросоциальной среды, при возможности выбора гетеросексуального полового объекта удалось полностью переключить половое влечение на этот объект и помочь вылеченному пациенту найти своё счастье в браке” [Аптер 1974: 149]. Владимир Андрианов утверждал, что проведённая им психотерапия 5 гомосексуалов трансформировала “тотальную гомосексуальную направленность либидо в бисексуальную у 4 больных, причём у 2 гетеросексуальное влечение стало доминирующим” [Андрианов 1968: 425].

Был сторонником “лечения” и Абрам Свядощ. В своей книге “Женская сексопатология” он приводит несколько методов “терапии”. Так, один из них – “условнорефлекторная терапия гомосексуализма” – заключался в том, что жертве давали апоморфин (средство, вызывающее рвоту), а потом показывали фотографию гомосексуального партнёра или предлагали представлять себе гомосексуальные отношения [Свядощ 1974: 164].

Как представляется, подобными методами можно “лечить” и от гетеросексуальности. “Лечение” гомосексуальности при ближнем рассмотрении оказывается похожим на “лечение” инакомыслия – химическими средствами подавляют волю человека (или запускают какие-либо биохимические реакции), а затем стремятся навязать ему (ей) определённый образ мыслей / определённые рефлексы. В отношении к помещению как политических диссидентов, так и гомосексуалов в психиатрические стационары использовался термин “карательная психиатрия” [Гессен 1994: 16]. Ранее было отмечено, что для “лечения” гомосексуальности активно использовался аминазин [Хили 2008: 293-294, 472]. Например, лечение аминазином предлагали Абрам Свядощ [Свядощ 1974: 165-166] и Елизавета Деревинская [Деревинская 1965: 14]. При этом методе аминазин использовали, чтобы временно подавить половое влечение и одновременно проводить психотерапевтические беседы и “сеансы внушения наяву, во время которых внушается сначала полное безразличие к партнёрше, а затем и отвращение к гомосексуальной активности”. Затем внушались “интерес к мужчинам”, мысли о “семейном счастье” и желание “иметь детей”. Аминазин стал знаменит из-за использования его в карательной психиатрии СССР для подавления инакомыслия [Подрабинек 1979].

Особенную известность получил психиатр из города Горького (Нижнего Новгорода) Ян Голанд. Он опубликовал довольно много статей, в которых рапортовал о своих успехах в деле “лечения” гомосексуальности [например, Голанд 1968; Голанд 1972]. Способы “лечения” гомосексуальности, которые предлагал Я. Голанд, были относительно “гуманными”. Так, он не использовал химические лекарственные средства, не госпитализировал своих пациентов. Для “привития” гетеросексуальности Яном Голандом использовались беседы с врачом, гипноз, аутотренинг. Интересно, что в отличие от А. Свядоща, Я. Голанд не пытался формировать отвращение к гомосексуальности: “Наличие в структуре патологического влечения при гомосексуализме личностного компонента, иногда высокоразвитого, поднимающегося до высот настоящей любви и дружбы, требует особенно деликатного подхода в первом этапе. В частности, поэтому мы прививаем пациенту не отвращение к неадекватному объекту (ведь для него и чувственный, и личностный компоненты слиты в целое), а именно спокойное равнодушное отношение” [Голанд 1973: 183].

Кроме гомосексуальности, Я. Голанд пробовал “лечить” также “фетишизм, трансвестизм, визионизм, эксгибиционизм, педофилию” [Голанд 1973: 184].

Непосредственным предшественником и учителем Яна Голанда был Николай Иванов, работавший в Иркутске, а позднее в Горьком. Н. Иванов имел довольно большой опыт в “лечении” гомосексуальности. В свою очередь, он опирался на опыт старшего коллеги по Иркутску Игоря Сумбаева. Как свидетельствует Арон Белкин, Игорь Сумбаев и Николай Иванов занимались “лечением” гомосексуальности уже в позднесталинские годы [Белкин 2000: 265-268, 283]. Курсы психотерапии были продолжительными и не предусматривали госпитализации. Учитывая уровень сталинистской гомофобии и разнообразной другой ксенофобии, это потенциально могло навлечь на психотерапевтов неприятности и требовало определённой смелости. К сожалению, по теме психотерапии гомосексуальности названные авторы оставили совсем немного публикаций. Наиболее доступной была и остаётся книга Н. Иванова “Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств”, в которой одна из глав посвящена “сексуальным перверсиям”, в первую очередь гомосексуальности [Иванов 1966: 128-139].

В двухтомнике “Частная сексопатология” Георгий Васильченко поддерживает идеи Николая Иванова и Яна Голанда в теории [Васильченко 1983, т. 2: 109-114]. Но характерно, что на практике он “лечением” гомосексуальности не занимался.

Стоит отметить, что все советские сексопатологи – сторонники “лечения” гомосексуальности, в том числе и Ян Голанд, писали, что для успешности “лечения” совершенно необходимо желание пациента “вылечиться”. Другими словами, у пациента до визита в кабинет психотерапевта-сексопатолога должны быть сформированы “отрицательное эмоциональное отношение к своему расстройству, страх перед его социальными последствиями, осознание принижения социального достоинства личности фактом наличия перверсии” [Голанд 1973: 181]. Тех, кто сам не хотел “лечиться”, авторы советских книг по сексопатологии “лечить” не рекомендовали [например: Васильченко 1983, т. 2: 99, 109, 114]. Проведённое Франческой Стеллой устноисторическое исследование показало, что в СССР врачи хотя и воспринимали лесбиек как “патологических” или “больных” личностей, но редко делали попытки лечить их принудительно [Стелла 2014: 236-237; Stella 2015: 47-49]. Естественно,

желание “вылечиться” формировалось под влиянием гетеросексистской среды, но важно, что психотерапевты его формированием не занимались.

А в коллективной монографии трёх специалистов “Функциональная женская сексопатология” почти незавуалированно высказывается мысль о невозможности “лечения” гомосексуальности [Здравомыслов, Анисимова и Либих 1985: 189-191]. Правда, книга эта вышла в Алма-Ате, и не потому, что авторы там жили (Сергей Либих, например, жил и работал в Ленинграде), а потому, что там было возможно пройти цензуру.

Сексопатологи из СССР пробовали “лечить” не только гомосексуальность, но и другие “половые извращения”. Некоторые из клинических случаев были опубликованы. Так, Иоганн Аптер приводил клинические примеры фетишизма (не указано, проводилась ли терапия), мазохизма (с успешной терапией) и BDSM-пары (“садистка” и “мазохист”, терапия проводилась только в отношении мужчины). Интересно, что в последнем случае, судя по описанию, отношения развивались при полном взаимном согласии, то есть соответствуют современному определению “нормы” в сексуальных отношениях [Аптер 1974: 153-155].

Другие случаи сексуально-гендерной ненормативности: интерсексуальность и транссексуальность

Интерсексуальные люди получали значительно больше сочувствия от медицины СССР, чем гомосексуальные. В некоторой степени это объяснялось тем, что они были доменом не сексопатологии, а междисциплинарных исследований, центральными дисциплинами в которых были эндокринология, генетика и хирургия. Использовался сам термин “интерсексуальность”. Интерсексуалов, правда, называли “больными”, но уже в 1960-е годы представления о поле были достаточно развитыми: “Понятие «истинный пол» оказалось медицински несостоятельным, так как генетически большое число больных отличается и от мужчин, и от женщин” [Либерман 1966: 3]. Правда, считалось абсолютно необходимым по социальным причинам обязательно “приписать” интерсексуала либо к мужчинам, либо к женщинам; возможность неопределённости гендера или введения третьего гендера не рассматривалась. Много внимания уделялось самосознанию интерсексуалов, направление их лечения и изменение паспортного пола (или оставление его прежним) зависили в первую очередь от желания пациента (если тот был в сознательном

возрасте): “Следует иметь в виду, что нозологический диагноз совершенно не имеет целью диагноз пола, в котором следует воспитывать ребёнка, и совершенно не претендует на то, чтобы установить «истинный пол», так как пол человека является частью его фенотипа. В связи с этим установление того или иного заболевания важно для прогноза и выбора метода лечения, но сам метод лечения и выбор пола определяются далеко не только нозологически, но и социально (возраст больного, его паспортный пол)” [Либерман 1966: 179]. По мнению Леонида Либермана, “психо-сексуальная направленность зависит от воспитания и паспортного пола” [Либерман 1966: 194]. Названный автор считал, что для формирования гендерной и сексуальной идентичности человека принципиальное значение имеют воспитание и приписанный при рождении паспортный пол, а генетические и гормональные факторы являются вторичными.

Про некоторые разновидности интерсексуальности, объединённые термином “гермафродитизм”*, написала монографию сотрудница Института экспериментальной эндокринологии и химии гормонов Академии медицинских наук СССР хирург Ирина Голубева [Голубева 1980]. Она придавала большое значение психосексуальному обследованию интерсексов (а не только генетическому, гормональному обследованию или биопсии гонад). “Роль врача при этом отнюдь не ограничивается назначением гормональных препаратов и хирургической коррекцией гениталий. Только глубокое понимание психологии больного, особенностей его личности и характера, его сексологического анамнеза даёт возможность врачу помочь больному обрести полную уверенность в избранном поле, вплоть до образования семьи” [Голубева 1980: 33]. Ирина Голубева замечала, что, хотя наибольшее влияние на самосознание интерсексов имеет гендер воспитания, но “в случаях выраженного несоответствия фенотипа, строения наружных гениталий с полом воспитания чёткой половой аутоидентификации не происходит, так как больного тревожат сомнения, правильно ли установлен его пол” [Голубева 1980: 34]. Наконец, автор подчёркивала необходимость придерживания врачебной этики, а также оставления за “больным” последнего слова в деле выбора гендера: “При

* В настоящее время термин “гермафродитизм” считается устаревшим и редко употребляется, но в 1960-1980-е годы в СССР им называли многие частные случаи интерсексуальности. Одновременно употреблялся термин “интерсексуальность” как более широкий.

собирании сексологического анамнеза […] врач ни в коем случае не должен высказывать, а тем более навязывать своё мнение о нём больному. Необходимо быть чрезвычайно осторожным, тактичным и чутким, помня, какого наболевшего и интимного вопроса приходится касаться. Чаще всего врач является единственным человеком, которому больной решается вверить все свои трагедии, сомнения и тайны, и больной должен быть уверен, что «тайна исповеди» не будет нарушена” [Голубева 1980: 35]. Ирина Голубева сожалела об отсутствии в законодательстве СССР правовой регламентации определения и изменения пола, оформления документов для интерсексов. Так, в соответствии с действовавшим в то время законодательством, при смене гражданского/паспортного гендера, человек должен был сам менять все документы в тех инстанциях, которые их выдали (паспортный стол по месту прописки, отдел кадров по месту работы и т. д.). Это психологически невозможно, поскольку вынуждало рассказать про факт смены паспортного гендера фактически повсюду в своём районе проживания, и притом сделать это самостоятельно. Врачи в каждом конкретном случае “неофициально” добивались права сменить документы в более высоких инстанциях (областных, республиканских или общесоюзных). Но это растягивалось больше, чем на месяц, и это время человек занимал койко-место в больнице, так как не имел ни паспорта, ни прописки, ни работы. Что, в свою очередь, вынуждало ждать своей очереди других людей с подобными проблемами. Врачи прибегали и к другим неформальным практикам, например, для сохранения тайны сделанных операций выдавали недействительные медицинские справки. Наконец, Ирина Голубева высказывалась за обеспечение интерсексов бесплатными гормональными препаратами для заместительной терапии, чего большинство из них было лишено [Голубева 1980: 101-107]. Она также обращала внимание и на транссексуалов: “Больные с этим заболеванием, хотя и относятся к компетенции психиатрии, однако необходимость в ряде случаев юридической, социальной, хирургической и гормональной коррекции пола невольно сталкивает их с врачами, занимающимися, если можно так выразиться, соматическими формами гермафродитизма. В то же время в отечественной, как медицинской, так и юридической литературе, нам не удалось найти научных разработок по этому вопросу. Тем не менее опыт

показывает, что больные с транссексуализмом встречаются и настойчиво требуют медицинской помощи” [Голубева 1980: 150].

Психологической помощью интерсексуальным пациентам Ирины Голубевой занимался психоэндокринолог из НИИ психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР Арон Белкин. В 1990-е годы он написал научно-популярную книгу “Третий пол” [Белкин, 2000], в которой детально рассказал про интерсексов, гомосексуалов и транссексуалов, рассмотрел разнообразные гипотезы о происхождении интер-, гомо- и транссексуальности. А. Белкин привёл в своей книге довольно много примеров из собственной практики времён СССР. Как и Ирина Голубева, Арон Белкин приводит много примеров “неформального” отношения медиков к пациентам. Так, в некоторых случаях ему приходилось лично добиваться в чиновничьих кабинетах “разрешение на смену пола” для интерсексов, которым было желательно сменить паспортный гендер. Белкин уже не называет интерсексов и транссексуалов больными, но не будем забывать – книга написана и издана через несколько лет после распада СССР.

Во времена СССР достаточно подробную статью с наблюдениями за транссексуалом опубликовал Павел Посвянский (позднее тот же случай был описан в книге Арона Белкина). “Больной” Александр Васильевич В. почувствовал себя женщиной довольно поздно, в 55 лет. “Женское состояние” приходило к нему циклично, то появлялось, то исчезало. В последнем случае Александр Васильевич чувствовал себя мужчиной. В “женском состоянии” он приезжал в Москву в надежде сделать операцию по смене пола и ради возможности свободно ходить в женском виде (большой город даёт анонимность). Александр Васильевич (Александра Васильевна) обращался к сексопатологам (находился под наблюдением Павла Посвянского 7 лет), но не дал себя госпитализировать, отказался от фотосъёмок и записи на магнитофонную ленту [Посвянский 1972: 391]. Состояние Александра Васильевича было охарактеризовано психиатром как “циркулярный психоз”.

Распространение сексологических знаний в последние годы существования СССР

Популяризацией собственно сексологических (а не сексопатологических) знаний занимался известный социолог и психолог Игорь Кон. Правда, его книга “Введение в сексологию” была опубликована в Венгрии и ГДР, но не могла

выйти в СССР до “перестройки” по цензурным причинам. Статья Игоря Кона о психологии подростковой и юношеской гомосексуальности была опубликована в малотиражном сборнике, посвящённом “половым расстройствам”. В этой статье И. Кон, опираясь преимущественно на недавние западноевропейские и американские источники, старался обсуждать гомосексуальность как явление не патологическое, не болезнь, но цензурные ограничения давали знать о себе; так, гомосексуальность называлась “парафилией”. А вот пример предложения, в котором явно проявилось как стремление снять стигму с гомосексуальности, так и необходимость подчиниться цензурным требованиям: “Изучая проблемное психосексуальное поведение особенно важно избегать его стигматизации, помня, что неосторожно наклеенный ярлык легко становится мощным патогенным фактором, стержнем, вокруг которого структурируется психосексуальное самосознание формирующейся личности” [Кон 1978: 63].

В 1986 году был издан русский перевод книги польского сексолога Казимира Имелиньского [Имелинский 1986]. В книге, польский оригинал которой вышел в 1982 году, гомосексуальность называется “отклонением”, а не “болезнью”. Автор выступал за декриминализацию гомосексуальности (в “народной” Польше на время написания книги гомосексуальность была декриминализирована), а также писал о том, что гомосексуальность при очередном пересмотре планировали вывести из международной классификации болезней (что вскоре и произошло). Все эти места при переводе были оставлены (не отцензурированы). Научным редактором переводной книги был ведущий советский сексопатолог Г. Васильченко. Казалось бы, советская сексопатология получила возможность пересмотреть свои позиции, прикрываясь “перестройкой”, “гласностью” и авторитетом мировой науки. Но в 1990 году под редакцией того же Г. Васильченко вышел однотомный справочник “Сексопатология”, в котором сокращённо излагались прежние (“застойных” времён) взгляды на “гомосексуализм” и возможности его “лечения” [Васильченко 1990].

В годы “перестройки” сексологическая литература, наконец, стала издаваться большими тиражами и писать её стали доступным для неспециалистов языком. Но качество этой литературы было разное. Наряду с книгой Игоря Кона “Введение в сексологию” [Кон 1988] печатались и сомнительные памфлеты, в которых гомосексуальность связывалась со

СПИДом и по-прежнему называлась болезнью: “И всё же, несмотря на логичность и закономерность более либерального отношения к гомосексуализму, по сравнению с годами административно-командного режима в нашей стране, данную проблему не следует рассматривать как безобидную и не требующую соответственного контроля. Дело заключается не столько в угрозе СПИДа, сколько в нейтрализации гомосексуального совращения подрастающего поколения, на что справедливо указывает сотрудник МУРа В. Качанов… […] С нашей точки зрения, выраженные гомосексуальные тенденции у взрослого мужчины и особенно его нежелание изменить образ половой жизни не должны подвергаться насильственной коррекции, тем более другим репрессивным воздействиям. Однако это не означает, что мы должны отказаться от борьбы за гетеросексуальную ориентацию подростков” [Чемоданов и Гришин 1990: 22]. В 1991 году большим тиражом была издана брошюра ставропольского уролога Игоря Деревянко, который не видел различия между гомосексуальностью, транссексуальностью и интерсексуальностью и пропагандировал взгляд на эти феномены как на вариации одной и той же “болезни”. В той же брошюре можно найти фразы вроде: “При нормальном гетеросексуальном половом акте […] мужчина играет активную роль, а женщина является пассивным половым партнёром” [Деревянко 1991: 15]. При этом И. Деревянко выступал за декриминализацию гомосексуальности и относился к гомосексуалам с определённым сочувствием.

Гомосексуальность и психиатрия в БССР

Нехватку письменных (по крайней мере опубликованных) источников по развитию взглядов психиатрии в БССР на гомосексуальность мы попробовали компенсировать посредством интервью с психиатром N., пожелавшим остаться анонимным. Это специалист из Минска со стажем работы в отрасли более 40 лет. По словам N., врачи понимали, что гомосексуальность не лечится, но власти заставляли “лечить”. Пациентам назначали транквилизаторы, нейролептики. Гомосексуалы, попадавшие (в небольшом количестве) в стационар, были направлены из пенитенциарной системы. Добровольно за “лечением” никто не обращался. Сексопатология, сексология как предмет в медицинских институтах не преподавалась, своих теоретиков в этих направлениях в БССР не было. Отсутствие сексологической теории в БССР подтвердил в разговоре и Дмитрий Д. Исаев (Санкт-Петербург). Исключением

являлся упомянутый выше автор нескольких популярных книг Дмитрий Капустин, но он был в большей степени практиком, к тому же ничего не писал о гомосексуальности и других “девиациях”.

Сохранилась записанная в этнографической экспедиции в 1999 году история про деревенского гомосексуала из Ушачского района, записанная от респондентки 1930 г. р. Он попал не в тюрьму, а именно в психиатрическую больницу, откуда домой не вернулся: “З бабамі ён дужа ругаўся. А я яго не баялася, мы з ім разам кароў пасвілі. Баб ён не любіў, мужчын дужа любіў. Адзін ён жыў, бацькі памёрлі. Хадзіў абадраны ўсё ўрэмя. Дома самагонку гнаў. Бывала, завядзе да сябе мужыка, напоіць і спаць пакладзе. А патом нехта далажыў аб гэтым начальству, ну яго і забралі ў дурдом. Там ён, як кажуць, дужа ўлюбіўся ў начальніка бальніцы. Мусіць, ён там усім надаеў і яго атравілі” [Лобач 2006: 101].

Мной была сделана попытка найти в медицинской статистике количество диагнозов “сексуальных перверсий”. Однако поиски ничего не дали: в психиатрической статистике, хранящейся в фонде Министерства здравоохранения БССР (фонд 46) НАРБ, разделение по диагнозам недостаточно подробно.

Кажется, первым из психиатров Беларуси обратился к рассмотрению сексуальных “девиаций” в своей публикации Валентин Кондрашенко; произошло это уже в годы “перестройки”. В главе “Отклонения в сексуальном поведении” своей книги “Девиантное поведение у подростков” он в достаточно толерантном духе перечислял разнообразные вариации сексуального поведения [Кондрашенко 1988: 145-158]. В. Кондрашенко писал, что “разграничение непатологических и патологических форм сексуальных девиаций представляет большие трудности и во многих отношениях условно. […] Ещё большие трудности представляет отграничение непатологических форм сексуальных девиаций от нормы полового поведения. Понятие «нормы полового поведения» расплывчато и неоднозначно. […] Все перечисленные критерии относительны и неодинаково оцениваются обществом в зависимости от эпохи, религиозных взглядов, уровня культуры и научных знаний. Известно, например, что в разные времена общество неодинаково относилось к гомосексуализму, трансвестизму, эксгибиционизму (особенно женскому) и т. п.” [Кондрашенко 1988: 146-147].

Повседневная жизнь

Во времена СССР знания о ненормативной сексуальности (в том числе гомосексуальности) за пределами сексопатологического и криминалистического дискурсов всячески подавлялись и заглушались. Поэтому из публикаций очень мало можно узнать о том, как жилось тем гомосексуалам, кому повезло не попасть на глаза полиции и психиатрам. Известно, что на полицейском и психиатрическом преследовании перечень возможных приключений не исчерпывался.

Известный хореограф и певец Борис Моисеев родился в 1954 году в Могилёве и окончил в начале 1970-х Белорусское государственное хореографическое училище в Минске. По окончании учёбы Б. Моисеев работал в кордебалете Харьковского театра оперы и балета. Однажды в 1975 году к нему в комнату без предупреждения ввалилась комендантша общежития и застала за поцелуями с соседом по комнате. Поскольку состава "преступления" в поцелуях не было, то не было и уголовного дела. Персональные дела юных артистов балета разобрали на комсомольском собрании. Б. Моисеев был уволен с работы, ему пришлось переехать в Каунас [Моисеев 2007: 58-68]. Борис Моисеев известен как большой мистификатор. Тем не менее, приведённая история выглядит целиком правдоподобной, характерной для эпохи.

Похожую историю приводит британская исследовательница Франческа Стелла. Одна из респонденток Франчески Стеллы рассказала, что в 1986 году училась в Ленинграде в строительном училище. Её с другой девушкой застигла "на горячем" в комнате комендантша общежития. Прошёл "товарищеский суд", девушек ожидали комсомольские взыскания. Мать респондентки была оповещена о "несоответствующем поведении" дочери письмом. Из-за пережитого стресса пара почти сразу распалась [Стелла 2014: 238-240; Stella 2015: 49-51].

К сожалению, на подобные истории в пределах Беларуси не удалось натолкнуться. Возможно, их следы ещё получится найти среди дел комсомольских организаций разного уровня в публичных архивах.

С трудом можно представить, где гомосексуалы чувствовали себя в безопасности. Некоторые из них могли формировать кружки, участникам которых можно было не прятаться друг от друга. Достоверно такие кружки

известны по Москве и Ленинграду застойных времён и беларусским городам (например, Гомелю) 1990-х годов. В других “богемных” средах (открытых) гомосексуалов могли “терпеть”, хотя и недолюбливать. Вот, например, иллюстрация из написанного в 1984 году рассказа Александра Романова “Женщина без имени”: “В этот день - как и всегда - у меня были гости. Впрочем, сегодня их было особенно много. [...] Третьим был Женька, суперинтеллектуал с супернаклонностями – философ по образованию и гомосексуалист по привязанностям. Я терпеть не могу 'голубых' ребят, но перед философами робею: они ведь читали Гегеля, которого я могу только почитать. Впрочем 'голубые' наклонности Женьки у меня на квартире не проявляются. Он достаточно умён, чтобы понять: ни я, ни мои друзья в эти игры не играют” [Романов 2006]. Кружок Александра Романова существовал не только в рассказах, но и в реальности, в Гродно, а прообразом Женьки был Евгений Рубан (1941 – 1997), гродненский шахматист, выпускник философского факультета Ленинградского университета, вице-чемпион БССР 1964 года и чемпион Ленинграда 1966 года. Голландский гроссмейстер, бывший ленинградец Генна (Геннадий) Сосонко утверждает, что Евгений Рубан был лишён звания мастера СССР по шахматам из-за того, что был осуждён, а осуждён он был будто бы за однополый секс в публичном месте (правда, по статье “хулиганство”, а не “мужеложство”) [Сосонко 2006: 164-166].

Вероятно, более доброжелательным к гомосексуальным людям, как и разным другим людям, не укладывавшимся в позднесоветскую нормативность, был минский кружок Кима Хадеева. Ким Хадеев (1929–2001) был ярким представителем богемы. Как и упомянутый выше Александр Романов, Ким Хадеев отсидел срок за критические высказывания о государственном строе. Не имея никакого официального признания, а часто – даже не имея официального места работы, он имел большой авторитет в кругах минской интеллигенции. Энциклопедически образованный, зарабатывал Ким Хадеев тем, что писал на заказ кандидатские и даже докторские диссертации по разным отраслям гуманитарных наук. В его квартире всегда были гости, вёдшие интеллектуальные беседы с хозяином (или без него), а через кружок К. Хадеева прошли многие видные деятели культуры Беларуси (например, Владимир Рудов, Николай Захаренко, Дмитрий Строцев, Юлия Чернявская). Существует мнение, что Ким Хадеев был гомосексуалом. С другой стороны, эти слухи многие опровергают

[например: Марговский 2009]. Так или иначе, с уверенностью можно говорить о гомосоциальности известного минского мыслителя. В его ближнее окружение входили почти исключительно мужчины: “Многим людям пристрастное внимание Кима к молодым мальчикам, каждый из которых у него – будущая гениальная фигура в искусстве, казалось подозрительным. Признаюсь, мне тоже. Однако нас, подозревающих, можно бы и понять, ведь у этого мужика – ни жены, ни любовницы, вокруг только «мальчики», «мальчики», «мальчики»...” [Кулон 2013: 171]. Анатоль Астапенко (под псевдонимом Антон Кулон) однозначно пишет о присутствии открытых гомосексуалов в кругу Хадеева: “Сосуществование самых разных людей: гениев и бездарей, нетронутых девочек и откровенных куртизанок, восторженных, влюблённых мальчиков и лиц нетрадиционной ориентации, юношей и пожилых людей, — всё это «академия Кима»” [Кулон 2013: 171].

Места в городах, где бытовала гомосексуальная субкультура, можно попробовать реконструировать через устные воспоминания её участников. Места эти были в советское время ограничены туалетами, “плешками”[5] и банями.

Сравнивая позднесоветскую субкультуру мужчин-гомосексуалов с североамериканской, Дэниел Шлютер отмечает, что первую конца 1980-х – начала 1990-х можно сравнить со второй 1950-х годов. Во второй половине 1960-х и особенно в 1970-я годы в США и Канаде значительно повысился уровень институциализированности гей-субкультуры – появились не только “свои” бары и сауны, но и организации, которые удовлетворяли практически любые потребности (от адвокатских бюро до библиотек). В конце 1970-х годов в североамериканских городах гомосексуальная часть населения была значительно более институционально развитой, чем подавляющее большинство этнических групп (этнических меньшинств) [Schluter 2002: 31-32]. Д. Шлютер считает, что степень самоорганизации гомосексуалов, которую он увидел в СССР в 1988-1991 годах, можно охарактеризировать как братство (fraternity), но не сообщество (community). “Братство” проявлялось через довольно развитую идентичность гомосексуалов как группы, а также через уличные места встреч в крупных городах. Однако для того, чтобы

[5] “Плешка” – сленговое название места встречи гомосексуалов. Как правило, “плешки” размещались в центрах городов, на площадях или в скверах.

называть гомосексуальную субкультуру “сообществом”, не хватало формальных экономических, политических, общественных и культурных организаций, которые обслуживали бы гомосексуальную клиентуру (только-только начали зарождаться профильные общественные организации и гей-пресса, больше же ничего не было) [Schluter 2002: 6].

В Минске во второй половине 1980-х (о более раннем времени у нас не получилось найти сведения) популярностью среди гомосексуалов пользовались туалет в подвале автовокзала “Центральный”, туалет на диспетчерской станции “Дружная”, туалет в первом этаже жилого дома на улице Свердлова (около перекрёстка с улицей Кирова). Известными местами встреч мужчин-гомосексуалов и в 1990-е годы были парк Челюскинцев, Центральный сквер (в народе известный как “Паниковка”), баня на улице Московской. В 1990-х годах гомосексуальные мужчины проводили свободное время также около определённых лавочек в парке Горького. Про самую интересную минскую “плешку” – “плешку на колёсах” – читайте ниже.

Для многих мужчин временем, когда они получили первый гомосексуальный опыт, было время службы в армии. Для других армия была местом окончательного осознания своей сексуальности. Один из наших собеседников рассказал почти идиллическую историю солдат на маленькой пограничной заставе, которые “дружили” парочками и иногда закрывались где-нибудь (например, баня, кочегарка) вдвоём, чтобы снять сексуальное напряжение. Часто, однако, гомосексуальные отношения в армии были связаны с отношениями доминации и подчинения, с дедовщиной, имели место гомосексуальные изнасилования, в том числе групповые (такая история также встретилась в наших полевых материалах).

Тема тюремной мужской однополой сексуальности освещена, например, в воспоминаниях Льва Клейна [Клейн 2010: 322-398] и его книге “Перевёрнутый мир”. Собственно беларусского материала на эту тему у нас нет.

“Гласность” и “перестройка” совпали по времени с началом эпидемии СПИДа в СССР. Пресса, получившая возможность освещать то, что ранее замалчивалось, с пылом хваталась за “жареные” факты и сюжеты. Стало возможным употреблять слово “гомосексуализм” и обсуждать связанные с этим словом явления. Это привело, с одной стороны, к появлению значительного числа гомофобных публикаций. С другой стороны, появлялись и такие

публикации, авторы которых пробовали преодолеть привитую им с детства в советском обществе гомофобию и писали о проблемах гомосексуалов с некоторым сочувствием. Так или иначе, большинство авторов связывало распространение ВИЧ/СПИД с мужчинами-гомосексуалами и называло гомосексуалов “группой риска” [Мороз 1990: 50-74].

В годы “перестройки” в СССР, в том числе и в БССР, получило распространение явление, известное как “ремонт”. “Ремонтники” – молодёжные банды, проявлявшие гомофобное насилие следующим образом. На “плешку” засылался симпатичный парень, который знакомился с жертвой и вёл её куда-то. В определённом месте ждала остальная часть банды. Жертву избивали и грабили, в худших случаях могли изнасиловать и даже убить [Владимир Д. 1990]. Иногда “засланный казачёк” был не нужен – жертву могли выследить и избить неподалёку от “плешки”. В проведённых интервью “ремонтники” упоминались, например, в 1990-е годы на “Паниковке” в Минске. Поскольку полиция никак не защищала геев от “ремонта” и не принимала к рассмотрению заявления о совершённых преступлениях, то защищаться приходилось самостоятельно – “ремонтники” также бывали биты.

1990-е и первая половина 2000-х: зарождение движения за права ЛГБТ

“Перестройка” вызвала в СССР сексуальную революцию. “Тихая” сексуальная революция в стране происходила уже с 1960-х годов – снижался возраст начала половой жизни, росло количество разводов и матерей-одиночек, общество со всё большей пермиссивностью относилось к половой жизни вне брака, среди населения рос интерес к труднодоступной сексологической литературе. В годы “перестройки” стали широко доступными сексологические знания, а сексуальность была признана как самостоятельная ценность и стала широко обсуждаться в СМИ. В конце “перестройки” СМИ СССР дошли и до более или менее серьёзного обсуждения темы сексуальной “инаковости”, а также в СССР стала появляться нишевая гей-лесби-пресса.

Первым легальным гей-изданием на русском языке стала московская газета “Тема”. В конце 1990 года её редактор Роман Калинин смог зарегистрировать издание в Московском совете депутатов. То, что “Тему” читали в Беларуси, видно из содержания издания. В рубрике “Клуб знакомств” регулярно публиковались объявления из разных регионов Беларуси, а в одном из номеров за 1992 год появилась статья “У обелиска”. Автор статьи, принадлежавший к московской редакции издания, описывал свою поездку в Витебск, откуда пришло пять писем от одиноких молодых геев. Благодаря эмиссару редакции “Темы” парни перезнакомились и создали дружеский круг. В статье также описывалась “плешка” около обелиска освободителям Витебска на площади Победы [Быстров 1992]. В том же номере “Темы” был опубликован фрагмент письма читателя из Минска, студента университета, который неожиданно для себя нашёл в городе “плешку на колёсах” на задней площадке троллейбуса 2-го маршрута. Троллейбус этого маршрута ходил по проспекту Скорины и был всегда переполнен, что позволяло незаметно для других ощупывать друг друга, а потом выходить на одной остановке и продолжать знакомство. Существование в 1990-е годы такой “подвижной плешки” подтвердил и один из наших респондентов в интервью.

Беларусская пресса также взялась обсуждать ранее запрещённые темы. Например, в гродненской газете “Перспектива” в ноябре 1991 – январе 1992 годов появилась серия публикаций, посвящённая историям двух молодых лесбиек.

15 ноября 1991 года газета “Перспектива” опубликовала письмо молодой женщины. Это была просьба к редакции освещать “проблему сексуальных меньшинств”. Авторка письма делилась своим жизненным опытом и высказывала надежду, что “кто-то посмелее создаст такое общество сексуальных меньшинств (как в Москве, Риге, Петербурге) здесь у нас, в Гродно”.

Одна из читательниц написала ответ на это письмо, и ответ также был опубликован (в номере от 29 ноября). Публикация письма сопровождалась редакционным комментарием, в котором высказывалось отношение редакции к теме: “В письме читательницы, опубликованном с сокращениями, содержалось сомнение относительно позиции редакции к поднятой проблеме, поэтому сразу же определимся. По нашему мнению, общество не может быть демократическим и правовым, если оно будет признавать лишь интересы большинства — национального, культурного, сексуального и т. д. С другой стороны, защита прав и интересов меньшинств — фундамент цивилизации, требование справедливости, независимо от того, нравится это кому-то или не нравится”.

Несмотря на очень позитивные декларации, реальная редакционная политика не была слишком дружественна к ЛГБТ. В том же номере от 15 ноября, где было опубликовано первое письмо, редакция напечатала и не подписанную статью «"Я — блудница". Чего ещё не знаете о Мадонне». В этой статье смаковались скандальные подробности сексуально раскованного видео известной американской певицы, при том по отношению к гомосексуалам употреблялось слово “педерасты”.

История с письмами в газету имела продолжение. Поскольку вторая читательница высказала желание познакомиться с авторкой предыдущего письма, то журналист “Перспективы” Александр Романов связался с ними и предложил организовать такую встречу на “нейтральной территории”. Встреча действительно произошла, женщины познакомились, убедились, что они не одни такие в Гродно. В дальнейшем они поддерживали связь, делились друг с другом “тематическими” новостями и известиями.

Но Александром Романовым, кроме искреннего желания помочь, руководил и профессиональный интерес. По результатам встречи он создал ещё один материал, который также был опубликован в рубрике читательских

писем под заголовком “Любить женщину — это естественно”. Эта публикация произошла уже в январе 1992 года. Материал заканчивался предложением другим лесбийкам присылать письма по определённому адресу, чтобы познакомиться. Адресом этим из соображений безопасности был выбран домашний адрес А. Романова.

Более подробно эта серия публикаций разбирается в статье “Розовое ретро” [Валодзін 2016]. Стоит также отметить, что журналист Александр Романов и упомянутый выше автор рассказа “Женщина без имени” Александр Романов — один и тот же человек.

Многие издания в начале 1990-х размещали частные объявления о знакомствах. Достаточно часто они (в том числе упомянутая выше газета “Перспектива”) печатали и объявления тех, кто желал познакомиться с партнёром одного с собой пола. Стали появляться и профильные издания, которые специализировались на объявлениях о знакомствах. Наиболее известным из таких изданий стал минский журнал “Встреча” (1992 – 1994). Он распространялся не только в Беларуси, но и в других странах, появившихся после распада СССР. Поэтому тираж журнала в лучшие времена достигал 350 тысяч экземпляров. Начиная с первого номера за 1992 год во “Встрече” появилась рубрика “Голубая гостиная” (вёл рубрику Алексей Кравченко), адресованная лесбийкам и геям (с №2 за 1993 год рубрика получила название “Вариант”). Кроме собственно объявлений, “Встреча” публиковала собственные и переводные статьи про геев, лесбиек и транссексуалов: от интервью с сексопатологом Абрамом Свядощем до репортажа с фестиваля “Кристофер Стрит дэй” в Санкт-Петербурге. Кроме Москвы и Петербурга, представители Минска доезжали и до Берлина. Так в журнале “Встреча” появился репортаж с фестиваля “Homolulu”, который прошёл в столице Германии в октябре 1992 года (№1/1993, с. 32-33).

То, как освещала в 1990-е годы беларусская пресса вопросы, связанные с гомосексуальностью, может стать предметом отдельного исследования. Направление, в котором может идти подобное исследование, показывает подробный разбор Настой Манцевич публикаций газеты “Переходный возраст” за 1994-2005 годы [Манцэвіч 2014].

В 1994 году в Беларуси очень тихо прошла декриминализация добровольного анального секса между мужчинами. Согласно с Законом

Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь и некоторые другие законодательные акты Республики Беларусь” от 1 марта 1994 года из статьи 119 Уголовного кодекса Республики Беларусь была исключена часть первая. Это было одно из ста сорока шести изменений, внесённых в уголовный кодекс. Изменения вступили в силу с 1 мая 1994 года [Данилюк, Лукашов и Саркисова 1994: 118]. Декриминализация произошла позднее, чем в Украине (1991 год) и в России (1993 год). Похоже, что декриминализация добровольных гомосексуальных отношений произошла не только под давлением со стороны Совета Европы, куда Беларусь готовилась вступить, но и планировалась местными юристами. Так, в 1992 году была издана монография по уголовному праву доцента Академии милиции МВД РБ Станислава Тишкевича. В монографии предлагалось криминализировать только “[сексуальные] действия […] в отношении потерпевшей или потерпевшего с применением насилия, использованием беспомощного состояния или угроз, перечисленных законодателем в составе вымогательства” [Тишкевич 1992: 148].

Зарождался гей-бизнес, который был приметой начинавшего формироваться ЛГБТ-сообщества. Его первыми проявлениями стали клубы: “Встреча” (существовал во второй половине 1990-х годов), “Оскар” (1999-2000), “Вавилон” (2001-2007, бульвар Толбухина, 4), “Драма” (ул. Тимирязева, 46), “Нарцисс” (первая половина 2000-х), “Лютик” (закрыт в 2007), “Буфет Ёё” (2006-2007, ул. Чкалова, 12), “6а” (существовал до 2013 года). Клубы “Встреча”, “Нарцисс”, “Лютик”, “6а” последовательно занимали одно и то же помещение по адресу Партизанский проспект, 6а.

Иногда (но значительно реже, чем хотелось бы) “тематические” клубы становились местами проведения не только вечеринок, но и публичных мероприятий с некоторым гражданским пафосом. Так, в сентябре 2001 года многие мероприятия гей-прайда (открытие, закрытие, поэтические чтения и др.) прошли в клубе “Вавилон”. Интересным примером сотрудничества феминистского и ЛГБТ движений стало проведение фестиваля “Гендерный маршрут-2” в “Буфете Ёё” 8-10 декабря 2006 года.

К сожалению, за исключением некоторых гей-френдли баров (например, “Союз-онлайн”), клубы стали и последними проявлениями гей-бизнеса. В Беларуси создалась неблагоприятная для такого

предпринимательства ситуация, связанная с гомофобией местных властей, полиции, владельцев помещений, снимавшихся под клубы или бары.

Так, к закрытию “Лютика” имела прямое отношение серия гомофобных публикаций в газете “Минский курьер”, авторы которых Ирина Васильева и Максим Егоров посетили клуб, чтобы “провести журналистское расследование” [Міцкевіч 2007].

Клуб “Оскар” был закрыт по инициативе администрации завода “Промсвязь”, у которой арендовал помещение. Администрация завода в одностороннем порядке разорвала контракт, устно подтверждая гомофобную мотивацию своих действий.

В ночь на 3 июля 2001 года в собственной квартире был убит 30-летний Иван Сушинский, один из директоров клуба “Оскар”. Это один из немногих примеров гомофобного насилия, ставший опубликованным [Bortnik 2007: 369], слухи же об убийствах геев на почве ненависти циркулировали значительно чаще. Заодно этот случай показывает, насколько опасно было заниматься гей-бизнесом в Минске.

ВИЧ-сервисные организации стали появляться в Беларуси с начала 1990-х годов. Так, в 1994 году была зарегистрирована организация “Стоп-СПИД Беларусь”, большинство членов которой составляли представители ЛГБТ-сообщества. Организация, руководителем которой был Евгений Заблоцкий, просуществовала совсем недолго (1-2 года). Хотя и в составе других организаций было много “тематических” людей, но создание направленной на обслуживание МСМ (мужчин, имеющих секс с мужчинами) организации “Встреча” произошло только в 2004 году. Ранее, с 1998 года “Встреча” участвовала в проектах по профилактике ВИЧ/СПИД как инициативная группа.

Зародилась “Встреча” как неформальный клуб вокруг одноимённого журнала частных объявлений о знакомствах. Когда в 1995 году журнал прекратил существование, одноимённый клуб продолжал действовать. Его участники считали себя чем-то вроде ЛГБТ-организации. Они отдавали предпочтение тому, чтобы действовать “без лишнего шума” – не стремились зарегистрироваться как структура, редко выступали как публичные фигуры. Главным редактором журнала “Встреча”, а потом неформальным лидером одноимённой инициативы была Татьяна Зуева (1959/1960 – 2014). После

инсульта, постигшего Т. Зуеву в 2001 году, она по состоянию здоровья не могла принимать настолько же активное участие в деятельности инициативы, как ранее. Тем не менее, Татьяна стала редактором информационно-образовательного сборника “Встреча” (с 2007), была почётным членом руководства организации после регистрации в 2004 году [Еремин 2014]. Видным деятелем клуба, а позднее организации “Встреча” был Олег Ерёмин, который и до сегодняшнего дня работает в общественных организациях в сфере профилактики ВИЧ-инфекции.

В 1998 году Эдвард Тарлецкий и компания объявили о создании Беларусской лиги свободы сексуальных меньшинств “Лямбда” (позднее название сократилось до Беларусской лиги “Лямбда”). Создатели “Лямбды”, наоборот, делали ставку на широкую огласку своей деятельности – создали издание, пробовали зарегистрировать организацию, раздавали интервью, организовывали конференции и даже гей-прайд.

В первое время между двумя группами по вопросу публичности были конфликты. Участникам “Встречи” казалось, что “излишняя” публичность может вызвать гомофобную истерию и повредить делу эмансипации геев и лесбиек. Участники БЛЛ подозревали оппонентов в трусости. Со временем, однако, и те, и другие поняли, что их методы деятельности не противоречат друг другу, а взаимодополняют.

Беларусская лига “Лямбда” несколько лет проводила довольно бурную деятельность. С августа 1998 года выходило издание “Форум”. Из восьмистраничного чёрно-белого бюллетеня, напечатанного на ризографе, оно постепенно превратилось в глянцевый журнал “Forum lambda” объёмом 40 страниц с цветной обложкой. В июне 1999 года журнал был зарегистрирован в Госкомпечати.

Был создан связанный с БЛЛ сайт apagay.com.

Пока ещё это было возможно, БЛЛ проводила пикеты в Минске (в конце 1990-х пикеты разрешали) по разным поводам – это были первые выходы в свет под радужным флагом. 6-9 сентября 1999 года в Минске прошёл первый беларусский гей-прайд. Хотя первый прайд прошёл без выхода на улицу (семинары, кинопоказ и вечеринки проходили в помещениях), но ОМОН всё равно на него пришёл – на одну из вечеринок. Попытка организации гей-прайда через год (7-10 сентября 2000) была почти полностью сорвана властями:

семинары пришлось проводить на улице, клубы отказали в помещениях для вечеринок. Зато в 2001 году получилось “оторваться на полную катушку”. Перед спектаклем под названием “президентские выборы” сверху была дана команда никого и ничего не трогать, чтобы создать красивую картинку для западных наблюдателей. Начало сентября 2001 года было временем “разгула либерализма”. Как раз в эти дни (2-9 сентября) и проходил гей-прайд. Перед ним (28-31 августа) в кинотеатре “Победа” прошла ретроспектива фильмов Франсуа Озона. Кроме лекций, семинаров и вечеринок, в программе были даже поэтические чтения. Кульминацией стал парад любви 7 сентября, участники которого прошли от цирка до “Паниковки” (Александровского сквера).

Парад любви организовывался в сотрудничестве с Федерацией анархистов Беларуси (ФАБ). Анархисты на протяжении всех лет существования БЛЛ оставались единственной политической силой в Беларуси, которая постоянно открыто поддерживала идеи равенства всех людей независимо в том числе и от сексуальной ориентации или гендера. Среди прочего, ФАБ поддержала БЛЛ в июле 2001 года, когда оргкомитет Конгресса беларусской молодёжи отказал БЛЛ в праве делегировать своих представителей на конгресс. Активисты БЛЛ и ФАБ провели совместную театрализованную акцию протеста непосредственно на конгрессе, во время которой призывали записываться на “Конгресс греховной беларусской молодёжи”.

Как известно, некоторые видные деятели ФАБа образовывали костяк редакции сатирической газеты “Навінкі”. Не удивительно, что тема равноправия гомосексуалов регулярно появлялась на полосах газеты. Пожалуй, наиболее смешной была следующая история. В марте 2002 года известный гомофоб из лагеря беларусской консервативной оппозиции Павел Северинец разослал по редакциям СМИ своё заявление под названием “Последнее извращение Эдика Тарлецкого”. Помещённое в “Нашай ніве”, это заявление выглядело очередной гомофобной атакой, насыщенной языком ненависти: “Также известно, что его лига сексменьшинств “Лямбда” занимается не только физиологическими извращениями, но и открытой дискредитацией демократической общественности в стране. Появление гей-флагов, гей-парадов и других гей-провокаций на мероприятиях с бело-красно-белой символикой, на демонстрациях против режима и торжественных собраниях оскорбляет всё национальное движение, даёт исключительные аргументы БТ

[*Беларусскому телевидению, официальному каналу лукашенковской пропаганды — прим. автора брошюры*] и сводит сущность понятия “прав человека” к правам на рекламу развращённости и зла” [Севярынец 2002]. Но то же самое заявление (ни одного слова не было изменено!), напечатанное в сатирических “Навінках”, звучало совсем по-другому: как тонкий стёб редакции, которая смогла с точностью спародировать стиль П. Северинца. Как ответ П. Северинцу, на последней полосе того же номера был опубликован фотокомикс “Золушка”, одну из главных ролей в котором сыграл сам Эдвард Тарлецкий. Фотокомикс начинался с жалобы Паши Северинца на сложности жизни в Беларуси: “Как тяжко жить христианину: народ – хам, в Бога не верит, “Навінкі” стебутся, пидоры пристают…” Заканчивался же комикс фразой: “С этого времени Паша перастал быть воинственным гомофобом и сексуальным мракобесом…” Посмотреть заявление П. Северинца и комикс целиком можно по адресу: https://belarusianqueerstory.noblogs.org/post/2016/01/02/vystava2/

Поддерживали БЛЛ и отдельные общественные организации, например, “Аб’яднаны шлях” и “Маладая Грамада”. Но, поскольку это были не ассоциации общественных организаций, а именно отдельные организации, их тяжело назвать политической силой.

Последние номера “Forum lambda” вышли в 2002 году. В том же году прошёл и последний (из организованных БЛЛ) гей-прайд, значительно более скромный, чем в предыдущем году.

В 2002 году Министерство юстиции Беларуси зарегистрировало республиканскую молодёжную женскую общественную организацию “Яна”. Фактически, организация была не просто женской, а лесбийской. Возглавляла “Яну” Светлана Плавсюк. В 2004-2005 годах активистки организации собирали подписи для законодательной инициативы об однополых браках. На то время, чтобы выступить с законодательной инициативой, необходимо было собрать 10.000 подписей граждан. Получилось собрать более 4.000. Организация занималась проектами по профилактике ВИЧ/СПИД, участвовала в правовых круглых столах. В 2003 году был выпущен единственный номер журнала (точнее сказать, фанзина) “Связь”. Активистки “Яны” вместе с активистками организации “Радислава” и анархо-феминистками участвовали в организации женского (феминистского) лагеря в 2004 году под Раковом. Приблизительно в 2008-2009 годах организация приостановила деятельность.

На первом Беларусском социальном форуме, прошедшем 5-7 ноября 2004 года в Стайках под Минском, собрались представители околоанархистских и левых кругов (как более ориентированных на политическую борьбу, так и из общественных организаций). Одна из секций называлась “Движение за права меньшинств в Беларуси” и модерировалась международным секретарём Беларусской лиги сексуального равноправия “Лямбда” Сергеем Торпачёвым [https://belarus.indymedia.org/83]. Секция называлась завуалированно, чтобы не привлечь излишнего внимания администрации спорткомплекса “Стайки” и других “компетентных органов”. Обсуждалась же на ней исключительно ситуация в ЛГБТ-движении Беларуси. Выступили руководительница РМЖОО “Яна” Светлана Плавсюк, Сергей Егоров из Гомеля (рассказал про гомельское ежемесячное издание для геев “Queque sum”, выходившее на протяжении года) и Владислав Иванов (сделал доклад об этнографии (гомо)сексуальности в Беларуси). Дисскусию вызвал тезис Светланы Плавсюк о необходимости инициировать законопроект о легализации однополых браков. Сергей Торпачёв высказал опасения, что обсуждение такого законопроекта вызовет волну гомофобии, и предложил сначала сосредоточиться на принятии антидискриминационного законодательства и закона о преступлениях ненависти. Также обсуждалась ситуация с незаконным блокированием ЛГБТ-сайтов в Беларуси. В частности, Сергей Торпачёв сообщил, что посредством обращения в суд удалось отменить блокирование сайта apagay.com во многих беларусских интернет-кафе. Кроме перечисленных организаций, в секции приняли участие представительницы и представители Федерации анархистов Беларуси, Женского антикризисного центра, “Маладой Грамады” и других объединений.

Постепенно вопрос прав ЛГБТ начинает восприниматься как правозащитный вопрос не только самими геями и лесбийками, но и правозащитными организациями.

“Международная амнистия” ещё в 1990-е годы признала права ЛГБТ неотъемлемой частью прав человека [Dudek et al. 2007: 35-44]. Соответственно, и беларусский филиал этой международной организации участвовал в документировании нарушений прав ЛГБТ и информационных кампаниях. Наибольшую активность по ЛГБТ-вопросам среди беларусского

отделения "Амнистии" проявлял Вячеслав Бортник. Благодаря Вячеславу обзоры правовой ситуации ЛГБТ-людей в Беларуси появлялись не только в бюллетенях "Amnesty International у Беларусі", но и в зарубежных изданиях [Bortnik 2007; Dudek et al. 2007: 141-146].

Под влиянием шведских партнёров правозащитный центр "Вясна" стал рассматривать дискриминацию гомосексуалов в одном ряду с дискриминацией религиозных объединений и национальных меньшинств [Вопросы толерантности 2005: 129-148].

Атмосферу начала 2000-х годов передаёт короткометражный документальный фильм "Они всё-таки улыбаются" ("They still smile"). В 2002 году режиссёр Ирина Сизова получила за своё 17-минутное произведение награду за лучший короткометражный фильм швейцарского лесби-гей-кинофестиваля "Розовое яблоко" ("Pink Apple") [Bütikofer 2002]. Фильм также показывался в Варшаве на международном кинофестивале "Права человека в фильме" и на некоторых других площадках. В "Они всё-таки улыбаются" можно увидеть кадры со II международной конференции "Лесбийское движение" (Минск, 8-9 марта 2002), а также интервью с участниками движения за права лесбиек и геев – Екатериной Минаковой, Марией Дударевой, Павлом Голушко, Александром Плесецким (известным как травести Бджёлька Мая), Эдвардом Тарлецким и другими, чьи имена не указаны в субтитрах.

В конце стоит обратить внимание на "темную" художественную литературу. Никаких "лесбийских" или "гейских" литературных кружков или альманахов за 1990-е годы не появилось. Однако большая открытость в обществе и среди литераторов привела к написанию и публикации некоторых гомоэротических произведений по-беларусски. Поскольку автор брошюры – не литературовед, то привёдет только пару примеров из беларусской литературы до 2007 года. Пусть не обидятся те, чьи произведения тут не упомянуты.

Гомосексуальность Юрия Гуменюка (1969–2013) обсуждалась после его трагической смерти [http://www.svaboda.org/content/article/24879169.html]. В его творчестве можно найти гомоэротические стихи. Вот, например, стихотворение "Ружавокі дракон" ("Розовоглазый дракон") из коллективного сборника "Кола" (Гродна, 1993):

Ружавокі дракон мяне вабіць.
Мае ён аксамітную скуру.
Я яго прытулю, як кабету.
Гэта будзе сапраўднае шчасце.

Ружавокі дракон стане добрым
і схавае драпежныя зубы.
Ён адчуе нястомнае сэрца,
ўвойдзе ў транс, як індыйскія ёгі.

Ружавокі дракон адыходзіць,
дзе нічога няма. Толькі мары
ў галаве, нібы піва ў барылцы,
робяць шэра-зялёную пену.

Ружавокі дракон, мой маленькі,
спі салодка да лепшай гадзіны,
спі, пакуль твой адбітак ссівелы
люстраное захоўвае цела.

В 2006 году в Минске вышел первый поэтический сборник Насты Кудасовой “Лісьце маіх рук”. Многие образцы интимной лирики в сборнике написаны от имени лирической героини и обращены к женщины. Таким, например, является шестичастное стихотворение “Багіня” (из-за нехватки места приводим только часть 4):

Лягу побач –
начны лёкай,
не гаворачы
ні кроку,
не гаворачы
ні кропкі,
лягу побач,
каб ты – толькі.
Толькі вобшук
рукі роднай…
Лягу побач
тваім стогнам,
лягу побач –
гарэць догмам!
Нарачоная
мне
Богам!

В середине 2000-х заявила о себе как поэтесса Наста Манцевич, не скрывавшая в своих произведениях однополых любовных переживаний. Однако её первый и пока единственный сборник “Птушкі” (“Птицы”, 2012) вышел значительно позднее “верхней” даты нашего исследования.

Светлана Алексиевич уже почти 20 лет испытывает терпение почитателей своего творчества и не выпускает в печать книгу “Чудный олень вечной охоты”, книгу историй любви. Только небольшая часть книги была опубликована в рижском журнале “Даугава” (№4 за 2000 год) и больше не переиздавалась. Ещё меньшие фрагменты появились в 2001 году в газетах “Труд” (18 января) и “Российская газета”. Как утверждала сама писательница в одном из интервью 1998 года, она собрала около 500 историй любви. Одна из трёх историй, которые наиболее впечатлили Алексиевич, – история любви двух мужчин, двух работников балета, зрелого и юного. Зрелый герой книги воспринимает любовь не просто как радость, но как дар, как необъяснимую тайну [Кучкина 1998]. К сожалению, история остаётся неопубликованной (как и вся книга “Чудный олень вечной охоты”).

Поскольку табу на обсуждение гомосексуальности было снято, то её стали упоминать в своих произведениях и очень далёкие от гомоэротизма писатели. Так, Василь Быков сделал главным героем своей повести “Ваўчыная яма” (1998) солдата, которого изнасиловал с помощью “дедов” сержант. Убив насильника, солдат бежал из армии в чернобыльскую зону.

Послесловие

По моему мнению, отношение в обществе к ЛГБТ-людям отражает общий уровень толерантности и принятия "других". Гомофобия, как правило, существует не сама по себе, а в связи с сексизмом, клерикализмом, национализмом, расизмом, антисемитизмом, мигрантофобией, исламофобией и прочими предрассудками и фобиями. Чтобы идти к свободному обществу, необходимо искоренять эти предрассудки и фобии. К сожалению, сегодняшняя Беларусь идёт в противоположном направлении. Тем не менее, если оглянуться назад, то можно заметить некоторые поводы для оптимизма. В частности, положение гомосексуалов и трансгендеров за последние десятилетия скорее улучшилось, чем ухудшилось.

Для автора брошюры активистские, заангажированные исторические исследования представляют ценность как попытка "оглянуться назад". Также такие исследования помогают обществу обратить внимание на определённые социальные проблемы сегодняшнего дня, например, дискриминацию определённых социальных групп, авторитаризм, социальную несправедливость (поскольку в прошлом можно увидеть или похожие явления в другой форме или, наоборот, отсутствие определённых явлений). Наконец, в прошлом можно заметить не только более или менее ужасные преступления, но и примеры самоорганизации и социального творчества, которые могут вдохновлять. За пределами современных беларусских университетов и исследовательских учреждений можно поднимать темы, которые внутри институтов (пока) остаются неартикулированными.

В частности, в этом исследовании мы (автор текста и те, кто участвовал в исследовании и рецензировании) пробуем поднять вопрос о реабилитации мужчин, осуждённых в БССР по части первой статьи "мужеложство". Государство и общество должны принести официальные извинения людям, на которых незаслуженно было поставлено клеймо "преступников".

Во время исследования пришлось столкнуться с проблемой труднодоступности источников. Например, фильм "Они всё-таки улыбаются" не получилось найти ближе, чем в Schwules Museum; многие книги покупались за рубежом, так как их попросту нет в беларусских библиотеках.

Я готов поделиться с другими исследователями и квир-активистами накопленными материалами.

Некоторые материалы (преимущественно, беларусские ЛГБТ-издания 1990-х – первой половины 2000-х годов) размещены в открытом доступе на блоге исследовательского проекта по адресу: https://belarusianqueerstory.noblogs.org/ Там же можно найти электронную версию данной брошюры.

Пока что некоторые исторические сюжеты получилось только обозначить, но не раскрыть. Надеюсь, что данная брошюра даст толчок другим исследованиям, поскольку продемонстрирует, что источники есть и что к теме возможно подступиться.

Будет продолжаться и это исследование. В частности, мы с коллегами продолжаем поиск респондентов - ЛГБТ-людей в возрасте от 45 лет, которые могут рассказать о своей повседневной жизни до 1994 года. Если Вы являетесь таким человеком или знаете такого человека, пожалуйста, свяжитесь с нами.

Будем рады также получить замечания и дополнения к содержанию данной брошюры.

Контактный адрес для ваших писем: history.kruzhelka@gmail.com

Библиография

Bortnik 2007 – Viachaslau Boratnik. Hate Crimes against Lesbian, Gay and Bisexual People in Belarus // Beyond the Pink Curtain: Everyday Life of LGBT People in Eastern Europe / Edited by Roman Kuhar and Judit Takacs. Ljubljana, 2007. P. 363-375.

Bosold, Brill und Weitz 2015 – Homosexualität_en / herausgegeben von B. Bosold, D. Brill und D. Weitz, im Auftrag des Deutschen Historischen Museums und Schwulen Museums. Berlin, 2015. S. 98-99, 112, 130, 156-157, 168, 205.

Bütikofer 2002 – Anne Bütikofer. "They still smile" – Lesben in Weissrussland // Die. 2002. №24 (Sommer). S. 20-21.

DIK Fagazine №8 – DIK Fagazine. No. 8. September 2011. [Theme of the issue: "Before '89"]

DIK Fagazine №9 – DIK Fagazine. No. 9. August 2014. [Theme of the issue: "Czechoslovakia"]

Dudek et al. 2007 – Das Recht, anders zu sein. Menschenrechtsverletzungen an Lesben, Schwulen und Transgender / Sonja Dudek, Richard Harnisch, Rupert Haag, Kerstin Hanenkamp, Claudia Körner, Colin de la Motte-Sherman (Hg.). Berlin, 2007.

Essig 1999 – Laurie Essig. Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other. Durham and London, 1999.

Healey 2012 – Dan Healey. Comrades, Queers, and "Oddballs": Sodomy, Masculinity, and Gendered Violence in Leningrad Province of the 1950s // Journal of the History of Sexuality. Vol. 21. No. 3. September 2012. P. 496-522.

Kitowicz 1882 – Pamiętniki Ks. A. Kitowicza. Wydanie nowe przejrzane i uporządkowane przez Władysława Zawadskiego. Lwów, 1882. Современное издание: Jędrzej Kitowicz. Pamiętniki, czyli Historia polska / Tekst opracowała i wstępem poprzedziła Przemysława Matuszewska; komentarz Zofii Lewinówny. Wydanie trzecie. Warszawa, 2009.

Matuszewicz 1986 – Marcin Matuszewicz. Diariusz życia mego. Tom 1. 1714-1757 / Tekst opracował i wstępem poprzedził Bohdan Królikowski; komentarz Zofii Zielińskiej. Warszawa, 1986.

Nastulczyk, Oczko 2012 – Tomasz Nastulczyk, Piotr Oczko. Homoseksualność staropolska. Kraków, 2012.

Riordan 1996 – James Riordan. Sexual minorities: the status of gays and lesbians in Russian–Soviet–Russian society // Women in Russia and Ukraine, ed. by Rosalind Marsh. Cambridge, 1996. P. 156-172.

Ruduša 2014 – Rita Ruduša. Forced Underground. Homosexuals in Soviet Latvia. Riga 2014.

Samma 2015 – Jaanus Samma. Not Suitable For Work. A Chaiman's Tale / Curated by Eugenio Viola. Berlin, 2015.

Schluter 2002 – Daniel P. Schluter. Gay Life in the Former USSR: Fraternity Without Community. New York and London, 2002.

Schwules Museum 2004 – Self-Confidence and Persistence. Two Hundred Years of History, ed. by Schwules Museum. Berlin, 2004. P. 96-137, 149, 163-164.

Sokolova 2014 – Vera Sokolova. State approaches to homosexuality and non-heterosexual lives in Czechoslovakia during state socialism // The Politics of Gender Culture under State Socialism. An expropriated voice / Edited by Hana Havelkova and Libora Oates-Indruchova. London and New York, 2014. P. 82-108.

Stella 2015 – Francesca Stella. Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia. Post/Socialism and Gendered Sexualities. Basingstoke, 2015.

Tomasik 2014 – Krzysztof Tomasik. Homobiografie. Wydanie drugie, poprawione i poszerzone. Warszawa, 2014.

Veispak 1991 – Teet Veispak. Homosexuality in Estonia in the 20th Century: Ideological and Juridical Aspects // Sexual Minorities and Society: the Changing Attitudes toward Homosexuality in the 20th Century Europe. Papers presented to the international conference in Tallinn May 28-30, 1990, ed. by Udo Parikas and Teet Veispak. Tallinn, 1991. P. 105-114.

Авдеев 1959 — Михаил Авдеев. Курс судебной медицины. Москва, 1959.

Андрианов 1968 – Владимир Андрианов. Аутогенная тренировка как метод специальной психотерапии сексуальных расстройств у мужчин // Вопросы психотерапии в общей медицине и психоневрологии: Тезисы и автореферата конференции (23-27 декабря 1968 г.). Харьков, 1968. С. 423-425.

Аптер 1974 – Статеві розлади / За ред. Йогана Аптера. Друге виправлене видання. Київ, 1974.

Белоусов 2005 – Олег Белоусов. Искусство парадокса (Сергей Параджанов) // Олег Белоусов. Мой город. Минск, 2005. С. 261-266.

Блюмин 1967 – И. Блюмин. Судебно-медицинская экспертиза половых состояний мужчин. Москва, 1967.

Блюмин 1970 – И. Блюмин. Материалы к экспертизе половых состояний. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. мед. наук. Москва, 1970.

Быстров 1992 – Игорь Быстров. У обелиска // Тема. 1992. №1(9). С. 8.

Валодзін 2016 – Уладзімір Валодзін. Ружовае рэтра // Новы час. 2016. 8 студзеня. С. 5.

Васильченко 1983 — Частная сексопатология (Руководство для врачей) / Под ред. Георгия Васильченко. В двух томах. Том 2. Москва, 1983.

Васильченко 1990 — Сексопатология: Справочник / Под ред. Георгия Васильченко; сост. А. Бруенок. Москва, 1990.

Владимир Д. 1990 – Владимир Д. Ремонт // Тема. 1990. №0. С. 7.

Владин и Капустин 1981 — Владислав Владин, Дмитрий Капустин. Гармония брака. Минск, 1981.

Вопросы толерантности 2005 – Вопросы толерантности: история, современность, перспективы / Шведское общество Мира и Арбитража (Svenska Freds); Правозащитный центр "Весна" (Беларусь). Минск, 2005.

Воробьев 2013 – Александр Воробьев. Выборы в Учредительное собрание на территории северо-западных губерний России (Витебской, Минской, Могилевской, Псковской и Смоленской): Учебно-методические материалы. Могилев, 2013.

Гессен 1994 — Маша Гессен. Права гомосексуалов и лесбиянок в Российской Федерации. Отчет Международной комиссии по правам человека для гомосексуалов и лесбиянок. San Francisco, CA, 1994.

Голанд 1968 — Ян Голанд. К вопросу о психотерапии гомосексуализма // Вопросы психотерапии в общей медицине и психоневрологии: Тезисы и автореферата конференции (23-27 декабря 1968 г.). Харьков, 1968.

Голанд 1972 — Ян Голанд. О ступенчатом построении психотерапии при мужском гомосексуализме // Проблемы современной сексопатологии (сборник трудов). Труды Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. Том 65. Москва, 1972.

Голанд 1973 — Ян Голанд. Основные этапы процесса психотерапии сексуальных перверсий // Тезисы докладов конференции по психотерапии (г. Москва, март 1973 г.). Москва, 1973.

Голубева 1980 — Ирина Голубева. Гермафродитизм (клиника, диагностика, лечение). Москва, 1980.

Горелик, Ефимов и Тишкевич 1971 – Уголовное право БССР. Часть Особенная / Под ред. Иосифа Горелика, Михаила Ефимова и Ивана Тишкевича. Минск, 1971.

Горелик, Тишкевич 1976 — Иосиф Горелик, Иван Тишкевич. Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного Суда БССР. Минск, 1976.

Григорян 2011 – Левон Григорян. Параджанов. Москва, 2011. – (Серия “Жизнь замечательных людей”).

Данилюк, Лукашов и Саркисова 1994 — Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь (изменения и дополнения 1993-94 гг.) / Станислав Данилюк, Алексей Лукашов, Элла Саркисова. Минск, 1994.

Деревинская 1965 — Елизавета Деревинская. Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма. Автореф. дис. … канд. мед. наук. Караганда, 1965.

Деревинская 1967 — Елизавета Деревинская. Об отношении гомосексуализма к психопатиям // Вопросы психиатрии, психотерапии, сексологии. Тезисы докладов конференций психиатров Карагандинской области. Караганда, 1967.

Деревянко — Игорь Деревянко. Гомосексуализм. Москва, 1991.

Еремин 2014 — Олег Еремин. “Мы с вами столько сделали, чтобы геи в этой стране имели право любить...” Ушла из жизни Татьяна Зуева // Вместе. Информационный бюллетень ассоциации “Белсеть АнтиСПИД”. №18(24). Сентябрь 2014. С. 2-3.

Здравомыслов, Анисимова и Либих 1985 — Василий Здравомыслов, Зося Анисимова и Сергей Либих. Функциональная женская сексопатология. Алма-Ата, 1985.

Иванов 2013 – Виктор Иванов. Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов Ленинграда в начале 1930-х годов и их погром // Новейшая история России. 2013. №3. С. 126-143. Прагледжана ў сеціве: http://cyberleninka.ru/article/n/kontrrevolyutsionnye-organizatsii-sredi-gomoseksualistov-leningrada-v-nachale-1930-h-godov-i-ih-pogrom.pdf; дата апошняга звароту 14.02.2016.

Иванов 1966 — Николай Иванов. Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств. Москва, 1966.

Игнатов 1966 — Алексей Игнатов. Ответственность за преступления против нравственности (Половые преступления). Москва, 1966.

Игнатов 1974 — Алексей Игнатов. Квалификация половых преступлений. Москва, 1974.

Игнатов 1988 — Алексей Игнатов. Об ответственности за половые преступления // Советская юстиция. 1988. №3. С. 28-29.

Имелинский 1973 — Казимир Имелинский. Психогигиена половой жизни / Пер. с польск. Москва, 1973. [Самаробная копія. Менск, 1970-я.]

Имелинский 1986 — Казимир Имелинский. Сексология и сексопатология / Пер. с польск. Москва, 1986.

Исаев 1994 — Дмитрий Исаев. Сексуальные меньшинства // Петербург начала 90-х: безумный, холодный, жестокий… Санкт-Петербург, 1994.

Карнович и Коршик 1958 — Георгий Карнович и Михаил Коршик. Расследование половых преступлений: Пособие для следователей. Москва, 1958.

Кирсанов 2005 – Владимир Кирсанов. 69. Русские геи, лесбиянки, бисексуалы и транссексуалы. Тверь, 2005.

Клейн 2010 – Лев Клейн. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. Санкт-Петербург, 2010.

Клеш 2012 – Артур Клеш. Русский гомосексуал (1905-1938 гг.): парадоксы восприятия // Новое литературное обозрение. 2012. №117. Доступ праз інтэрнэт: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/k11.html

Клеш 2013 – Артюр Клеш. Историография русской гомосексуальности до и после Октябрьской революции: различные подходы и перспективы // Как мы пишем историю? / Отв. ред. Гийом Гаррета, Грегори Дюфо, Людмила Пименова. Москва, 2013. С. 335-375.

Кон 1978 – Игорь Кон. Психология подростковой и юношеской гомосексуальности // Диагностика, лечение и профилактика половых расстройств. Труды Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. Том 81. Москва: 1978.

Кон 1988 - Игорь Кон. Введение в сексологию. Москва, 1988.

Кон 2001 – Игорь Кон. Любовь небесного цвета. Санкт-Петербург, 2001.

Кон 2008 – Игорь Кон. 80 лет одиночества. Москва, 2008.

Кон 2010 – Игорь Кон. Клубничка на берёзке: Сексуальная культура в России / 3-е изд., испр. и доп. Москва: 2010.

Кондрашенко 1988 – Валентин Кондрашенко. Девиантное поведение у подростков: Социально-психологические и психиатрические аспекты. Минск, 1988.

Косарев 1967 – В. Косарев. К вопросу о судебно-психиатрическом значении гомосексуализма // Актуальные вопросы сексопатологии. Труды Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. Том 51. Москва. 1967.

Круталевіч, Юхо, 2000 - Вадзім Круталевіч, Іосіф Юхо. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917-1945 гг.). Мінск, 2000.

Крымінальны Кодэкс 1929 – Крымінальны Кодэкс Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. Менск, 1929.

Кулон 2013 — Антон Кулон. Синяя книга белорусского алкоголика. Алкогольная повесть-быль. Минск, 2013.

Кучкина 1998 — Ольга Кучкина. Светлана Алексиевич: И даже богач мне сказал: “Перед смертью только и вспомню, как пил вино из женской туфельки...” Белорусская писательница собрала в новой книге 500 невыдуманных историй о любви // Народная воля. 11 ліпеня 1998. №122(474). С. 2.

Либерман 1966 — Леонид Либерман. Врожденные нарушения полового развития (генетика, “патогенез”, клиника). Ленинград, 1966.

Лобач 2006 — Владимир Лобач. Эрос в белорусской традиционной культуре // Белорусский эротический фольклор / Издание подготовили Татьяна Володина, Анатолий Федосик. Москва, 2006. С. 53-109.

Манцэвіч 2014 – Наста Манцэвіч. “Вы тоже люди, хоть и немного другие!” Как отвечали на письма гомосексуальных подростков журналисты и психологи газеты №1 для подростков “Переходный возраст” (в 1994-2005 гг.) // Makeout. 20 студзеня 2014. https://makeout.by/2014/01/20/vy-tozhe-lyudi-hot-i-nemnogo-drugie.html

Марговский 2009 — Григорий Марговский. Садовник судеб // Крещатик. 2009. №1. Доступ праз интэрнэт: http://magazines.russ.ru/kreschatik/2009/1/ma12.html

Марзалюк 2001 – Ігар Марзалюк. Матрыманіяльнасць і секс у Беларусі XI-XVIII стст. // Terra Alba. Т. 2. Homo venerius: Сексуальная прастора беларускай культуры / Пад рэд. С. І. Даніленкі. Мінск, 2001. С. 122-138.

Міцкевіч 2007 – Юля Міцкевіч. Черный пиар: так “работают” беларуские журналисты // Taboo. 2007. №4. С. 2-3.

Моисеев 2007 – Борис Моисеев. Птичка. Живой звук. Тверь, 2007.

Мороз 1990 – Олег Мороз. Группа риска. Москва, 1990.

Осипов 1967 – Павел Осипов. Половые преступления (общее понятие, социальная сущность и система составов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ленинград, 1967.

Подрабинек 1979 — Александр Подрабинек. Карательная медицина / Под ред. Людмилы Алексеевой. Нью-Йорк, 1979. Электронный вариант: http://www.imwerden.info/belousenko/books/kgb/podrabinek_karat_med.htm

Посвянский 1972 — Павел Посвянский. Циркулярный психоз с периодической эффеминацией (транссексуализмом) // Проблемы современной сексопатологии (сборник трудов). Труды Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. Том 65. Москва, 1972.

“Примерно наказать…” 1993 – “Примерно наказать этих мерзавцев” // Источник. 1993. №5-6. С. 164-165.

Пятницкий 1910 – Борис Пятницкий. Половые извращения и уголовное право. Могилёв, 1910.

Ролдугина 2016 – Ирина Ролдугина. “Почему мы такие люди?” Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России // Ab Imperio. 2016. №3 (в печати).

Романов 2006 — Александр Романов. Избранное (посмертный сборник) / Под ред. Сергея Коленченко. 2006 (http://samlib.ru/k/kolenchenko_s_n/posmertnyjsbornik.shtml).

Роткирх 2011 – Анна Роткирх. Мужской вопрос. Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. Санкт-Петербург, 2011.

Свядощ 1974 — Абрам Свядощ. Женская сексопатология. Москва, 1974.

Свядощ, Деревинская 1967 — Абрам Свядощ, Елизавета Деревинская. Комбинированный метод лечения гомосексуализма // Вопросы психиатрии, психотерапии, сексологии. Тезисы докладов конференций психиатров Карагандинской области. Караганда, 1967.

Севярынец 2002 – Павал Севярынец. Апошняе вычварэньне Эдзіка Тарлецкага // Навінкі. 2002. №6(55). С. 1.

Сліж 2015 – Наталля Сліж. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI-XVII стст. Смаленск, 2015.

Снежневский 1983 — Руководство по психиатрии / Под ред. Андрея Снежневского. В двух томах. Москва, 1983.

Собрание припадков 1722 — Собрание припадков краткое. Супрасль, 1722.

Соловьева 2007 – Татьяна Соловьева. Классический “треугольник” (Страницы личной жизни Н. П. Румянцева) // Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII – XXI вв. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14-16 июня 2005 г.). Санкт-Петербург, 2007. С. 33-45.

Сосонко 2006 – Генна Сосонко. Клейменый // Генна Сосонко. Диалоги с шахматным Нострадамусом. Москва, 2006. С. 156-174.

Статут 1989 – Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989.

Стелла 2014 – Франческа Стелла. Исследование жизни лесбиянок в советский период: поколенческий подход // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-

исследований / Центр независимых социологических исследований; ред.-сост. Александр Кондаков. Санкт-Петербург, 2014. С. 231-248.

Тишкевич 1992 — Станислав Тишкевич. Единая теория уголовного нормотворчества и квалификации преступлений: Основные концептуальные положения. Теоретическая модель уголовного кодекса суверенной Республики Беларусь: Монография. Минск, 1992.

Уголовный кодекс 1949 – Уголовный кодекс Белорусской ССР. Официальный текст с изменениями на 1 декабря 1948 г. и приложением постатейно-систематизированных материалов / Министерство юстиции БССР. Минск, 1949.

Уголовный кодекс 1965 — Уголовный кодекс Белорусской ССР. Официальный текст с изменениями на 1 октября 1965 г. и с приложением постатейно систематизированных материалов / Юридическая комиссия при Совете Министров БССР. Минск, 1965.

Украинское ЛГБТ-движение 2015 – Украинское ЛГБТ-движение, 25 / Ред. Стас Науменко, Тарас Карасийчук, Максим Касянчук. Киев, 2015.

Хили 2008 - Дан Хили. Гомосексуальное влечение в революционной России: Регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Пер. с англ. Москва, 2008.

Хлынцов 1965 – Михаил Хлынцов. Расследование половых преступлений. Саратов, 1965.

Чемоданов, Гришин 1990 — Гомосексуализм. Проституция: Методическое пособие / Авторы-сост. Владимир Чемоданов, Александр Гришин. Москва, 1990.

Шалаев 1966 — Николай Шалаев. Судебномедицинская экспертиза по делам о мужеложстве // Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов. Вып. III. Петрозаводск, 1966. С. 31-37.

Шаргородский, Осипов 1973 — Михаил Шаргородский, Павел Осипов. Преступления против личности // Курс советского уголовного права. Т. 3. Часть особенная / Отв. ред. Николай Беляев и Михаил Шаргородский. Ленинград, 1973. С. 473-660.

Шнабль 1982 — Зигфрид Шнабль. Мужчина и женщина. Интимные отношения / Пер. с нем. Кишинев, 1982.

Яковлев 1969 – Яков Яковлев. Половые преступления. Душанбе, 1969.

Список иллюстраций

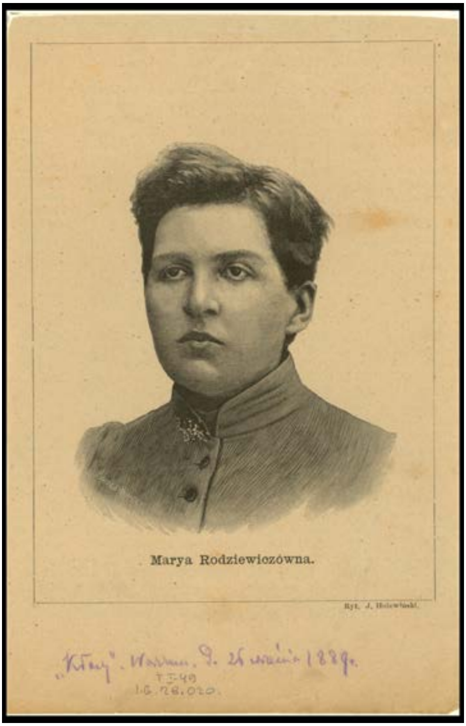

Ян Юзеф Филипович. Портрет Януша Александра Сангушко. 1747. Гравюра на меди

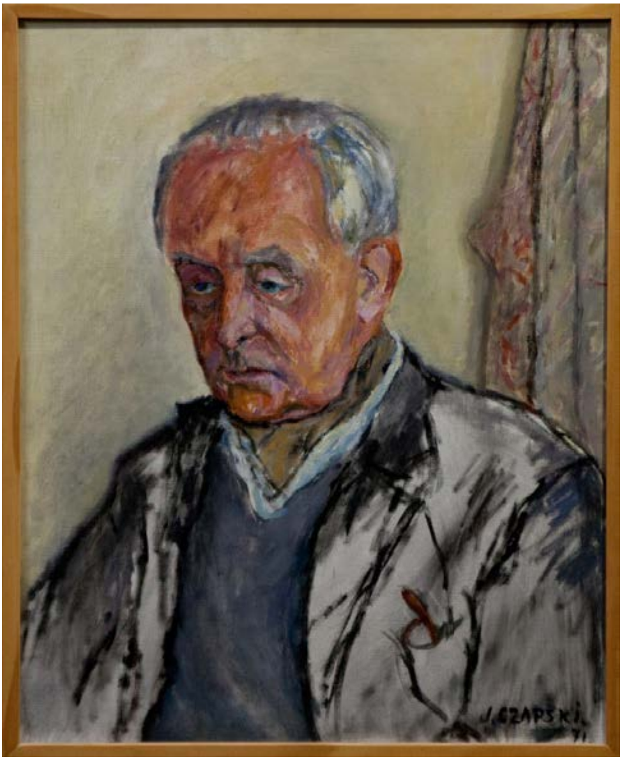

Виктор Смоляр (скульптор). Памятник Николаю Румянцеву в Гомеле

Юзеф Голевиньски
Портрет Марии Родзевич. 1889
Ксилография

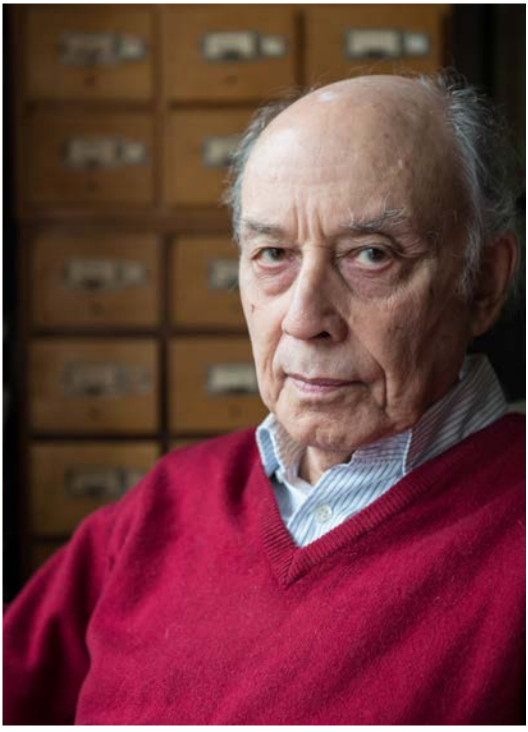

Юзеф Чапский
Портрет Ежи Гедройца. 1971

Юзеф Чапский.
Зарисовки из Нью-Йорка.
Здание Крайслер.
Репродукция, помещённая
в журнале «Kultura», 1950, nr 4/30, s. 80

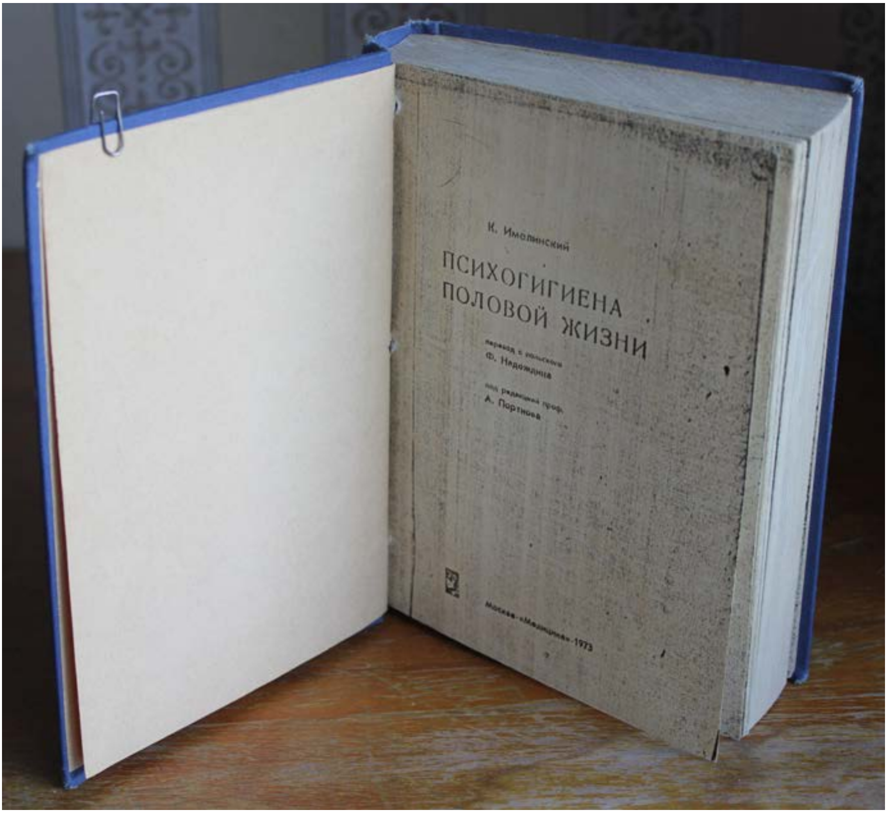

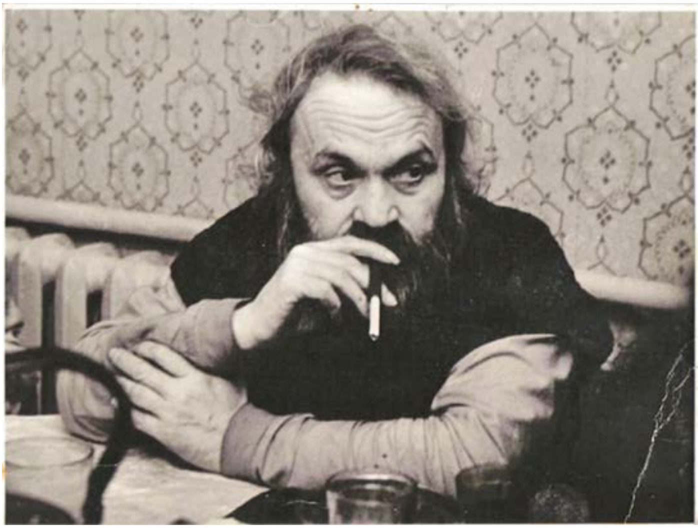
Лев Клейн

Плакат фильма Сергея Параджанова «Цвет граната». 1968

Самодельная копия переводной книги польского сексолога Казимира Имелиньского «Психогигиена сексуальной жизни»

Ким Хадеев

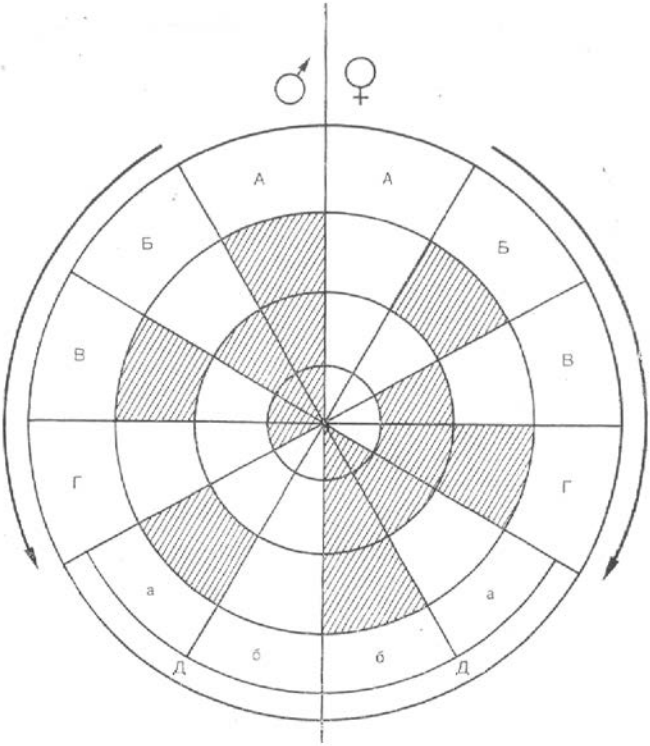

Рисунок из книги «Частная сексопатология» под редакцией Георгия Васильченко

Рис. 66. Соотношение полового самосознания, половой роли и типа психосексуальных ориентаций при различных нарушениях психосексуального развития у мужчин и женщин.

А — норма; Б — гомосексуализм с правильной половой ролью; В — трансформированная половая роль с гетеросексуальным влечением; Г — гомосексуализм с трансформированной половой ролью; Д — транссексуализм: а — с гомосексуальным влечением, б — с гетеросексуальным влечением. Окружности (от центра к периферии) обозначают: половое самосознание, половую роль и тип психосексуальных ориентаций. Заштрихованная часть — сформировано по мужскому типу, светлая часть — сформировано по женскому типу. Стрелки указывают нарастание тяжести нарушений психосексуального развития.

Общественный туалет на перекрёстке улиц Свердлова и Кирова. Современный вид

Троллейбус 2-го маршрута на проспекте Франциска Скорины. Минск, 1993

Клуб «Буфет Ёё»
Август 2006

Пикет БЛЛ «Лямбда»
Минск, 19 апреля 1999

Активист «Международной Амнистии» Билл Шиллер выступает на пресс-конференции в рамках фестиваля «Беларусь Гей Прайд-2000» около памятника Максиму Богдановичу. Минск, 10 сентября 2000

«Парад любви»
Минск, 7 сентября 2001

Квир-история Беларуси второй половины XX века: попытка приближения

Научно-популярное издание

Автор текста:

Владимир Володин

Участники исследовательской группы:

Наталья Маньковская

Таня Сецко

Екатерина Борсук

Консультанты:

Ира Ролдугина (Москва)

Валерий Созаев (Санкт-Петербург)

Владислав Иванов (Вильнюс)

Перевод брошюры с беларусского языка выполнен автором

Редактор:

Юлия Мацук

Тираж 600 экземпляров.

Распространяется бесплатно.

Электронная версия:

https://belarusianqueerstory.noblogs.org/

Обратная связь:

history.kruzhelka@gmail.com